

Гуманитарное знание

Сборник научных статей

Выпуск 22

 Астерион
Санкт-Петербург
2016

УДК 00(082)
ББК 70я43
Г93

Гуманитарное знание [Текст] : сб. науч. ст. / Под общ. ред.
Г93 Н.А. Кривич. – Вып. 22. – СПб. : Астерион, 2016. – 63 с. – (серия «Научные горизонты»).

ISBN 978-5-94856-540-8 (серия «Научные горизонты»)
ISBN 978-5-00045-430-5 (вып. 22)

В двадцать втором выпуске сборника научных статей «Гуманитарное знание» содержатся статьи по культурологии, педагогике, экономике и истории. Рассматриваются актуальные вопросы социального, экономического, правового и культурного развития России и цивилизации в целом, предлагаются решения наиболее важных проблем.

Сборник адресован специалистам в области гуманитарного знания, а также всем, кому интересна современная научная жизнь.

УДК 00(082)
ББК 70я43

ISBN 978-5-94856-540-8 (серия «Научные горизонты»)
ISBN 978-5-00045-430-5 (вып. 22)

© Астерион, 2016

УДК 003 + 008

ББК 71

Т.В. Никифорова

МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ С ФУНКЦИЕЙ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В ГРАММАТИКАХ «GRUNDLEGUNG EINER DEUTSCHEN SPRACHKUNST» И.К. ГОТШЕДА И «ГОТШЕДОВОЙ НЕМЕЦКОЙ ГРАММАТИКЕ» И.М. ГРЕЧА

В настоящей статье рассматриваются метакоммуникативные включения с функцией структурной организации текста в грамматике И.К. Готшеда (1700–1766, Gottsched) «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» [5] и «Готшедовой немецкой грамматике» И.М. Греча (1709–1760) [2].

История создания грамматик

И.К. Готшед – немецкий писатель, литературный критик, историк литературы и театра, теоретик немецкого языка и литературы. Готшед, признанный последователь Г.В. Лейбница и Х. Вольфа, был ярким представителем раннего немецкого Просвещения. Он внес особый вклад в создание единого литературного немецкого языка, реформирование театра и литературную традицию в целом.

Грамматика «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» была частью его обширной работы в области нормализации и кодификации немецкого литературного языка. Первоначально грамматика предназначалась для носителей немецкого языка, о чем Готшед пишет во вступлении. Но в дальнейшем ее неоднократно переводили для обучения немецкому языку как иностранному и как образец для создания грамматик других языков. Грамматика Готшеда была переведена на латынь, польский, французский, нидерландский, венгерский, русский.

Русский перевод был впервые издан в 1760 г. под авторством И.М. Греча – профессора истории и нравоучения в Сухопутном Шляхетском кадетском корпусе, где он позже стал директором учебной части. Кроме того, Греч был лектором при великой княгине Екатерине Алексеевне (будущей императрице Екатерине II), выбирал книги для ее библиотеки и преподавал ей историю и политику [3, с. 8–10].

Известно, что Греч плохо владел русским языком, что не мешало ему преподавать, т.к. преподавание в России в XVIII в. велось в основном на латыни или немецком. Греч сократил и переработал текст грамматики, а перевел его с рукописи Е.С. Харламов, выпускник Шляхетского кадетского корпуса, затем преподаватель корпуса и директор типографии. Харламов переводил с немецкого и французского языков. Ему принадлежат переводы романов Э. Ленобля, К.-Ф. Ламбера, Ш.-Р. де Комон де Ла Форс, пьес Д.Дидро, повестей К. Бернар, Г. Филдинга.

В первом издании русского перевода грамматики Готшеда в 1760 г. не указано ни имя Готшеда, ни имя Харламова. В издании 1769 г. появляется ссылка на труд Готшеда: «Готшедова немецкая грамматика: Вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная».

«Готшедова немецкая грамматика» считалась важнейшим учебным пособием по немецкому языку в России в ту эпоху. До появления этого перевода пользовались или немецким текстом Готшеда, или переводом на французский.

Метакоммуникативные включения с функцией структурной организации текста

Под метакоммуникативными включениями понимаются небольшие фрагменты текста (слова, словосочетания, фразы), которые несут в себе информацию не о содержании сообщения, а о его коде, отношениях между коммуникантами. Кроме лингвистически выраженных метакоммуникативных включений встречаются и паралингвистические (выбор шрифта, его размера, расположение текста на странице).

Лингвистические метакоммуникативные включения

К лингвистическим метакоммуникативным включениям относятся маркеры анафоро-катафорических связей, маркеры, сигнализирующие о введении примеров, о завершении мысли.

С помощью анафоро-катафорических связей осуществляются проспекция и ретроспекция в тексте. Анафора отсылает к прежде сказанному, а катафора, соответственно, – к следующим частям, главам или

разделам сочинения. Напр., у Готшеда — *nach den obigen Regeln, nach Art der obigen, die oben erklärten Geschlechtswörter, versprochene Verzeichnis*; у Греча — *по выше объявленным правилам, о которых ниже объявлено будет, такие же как и вышеобъявленные слоги, некоторые отступления, о которых в §. II. упомянуто, вышеобъявленные члены der, die, das; ein, eine, ein.*

Маркеры, сигнализирующие о введении примеров: у Готшеда — *з.Е., wie*; у Греча — *на пр., как.*

Метакоммуникативные включения с функцией завершения мысли используются в конце глав или частей и сигнализируют читателю, что после них последует вывод, а затем новая тема: у Готшеда — *endlich, zuletzt*; у Греча — *напоследок.*

Паралингвистические метакоммуникативные включения

Различные по размеру и толщине линий шрифты, расположение заголовков по центру страницы, римские и арабские цифры в нумерации разделов, графические символы для обозначения параграфов и примечаний визуально представляют соподчиненность и иерархию элементов текста.

Графические средства являются дополнительным средством логической организации текста, в т.ч. научного. Шрифтовые графические приемы в тексте — это компрессионные средства выделения значимой и подчиненной информации [1, с. 268]. С помощью этих средств создается структурированный визуальный образ текста, значимая информация видна читателю еще до прочтения текста. С помощью визуальных средств достигается эффект привлечения внимания, что можно считать коммуникативной функцией текста.

В исследуемых грамматиках используются различные возможности графического оформления текста. Напр., в «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» Готшеда параграфы и примечания к ним напечатаны разным кеглем: примечания напечатаны более мелким, чем основной текст, номер правила вынесен в центр страницы, а само правило напечатано полужирным шрифтом.

В «Готшедовой немецкой грамматике» Греча курсивом выделяются транскрипции немецких слов, набранные кириллицей, перевод немецких слов на русский, иногда курсивом выделяются правила.

Полужирный шрифт у Греча не используется, возможно, из-за особенностей книгопечатания. Но заголовки частей и глав обозначаются более крупным кеглем.

Одним из способов структурной организации текста как на визуальном, так и на логическом уровне, является нумерация. Считается, что нумерация однородных элементов текста является отличительной

чертой научного и официально-делового стилей, для которых важна однозначность, четкая структурированность, иерархичность в подаче информации, а также лаконичность [4, с. 475].

В грамматиках Готшеда и Греча нумерация используется довольно часто. Пронумерованы части, главы, разделы. Отдельно пронумерованы правила и параграфы. Если сравнить приемы нумерации, то видны некоторые различия, связанные как с различными объемами двух книг, так и с целями их создания.

В грамматике Готшеда используется нумерация параграфов арабскими цифрами и знаком §. Примечания даются после каждого параграфа и помечаются прописной латинской буквой со скобкой. В иерархии знаков нумерации буква занимает подчиненное положение по отношению к цифре. Примечания к параграфам занимают значительный объем в грамматике Готшеда. В них Готшед ссылается на авторитетных авторов, дает пояснения, связанные с историей языка, иногда дополнительно комментирует описанное в параграфе правило.

Греч использует римские цифры со скобкой для нумерации правил, арабские — для нумерации подразделов правил. Иногда рядом с римской цифрой правило набирается курсивом, что дополнительно визуально выделяет фрагмент.

В грамматике Греча примечания тоже приводятся сразу после правила или тезиса в тексте, к которому они относятся. Но они, в отличие от готшедовых, не помечаются буквами, а обозначаются словом *Примечание* или сокращением *примеч.* Если примечаний к одному фрагменту несколько, то ставится цифра.

В «Готшедовой немецкой грамматике» Греча есть также примечания, вынесенные вниз страницы. Постраничные примечания помечены символом звездочка (*). Такие примечания встречаются в тех фрагментах грамматики, где приводятся примеры спряжения или склонения и невозможно поместить примечание сразу за комментируемым фрагментом.

При адаптации и переводе грамматики Греч оставил только основные правила, исключил обширные комментарии Готшеда, которые, вероятно, по мнению Греча, не нужны были русским обучающимся. Но в грамматике Греча есть и такие места, которых нет у Готшеда, т.е. некоторые фрагменты текста добавлены Гречем именно для русских учеников. Примечания у Греча носят пояснительный характер, но в отличие от примечаний Готшеда они не несут в себе исторических справок и ссылок, а лишь комментируют приведенное выше правило. В отличие от источника перевода, примечания Греча выполняют сугубо прагматическую задачу.

Выводы

К лингвистическим метакоммуникативным включениям относятся маркеры анафоро-катафорических связей, маркеры введения примера и маркеры завершения темы. К паралингвистическим – графические средства выделения значимой информации и нумерация. И те, и другие привлекают внимание читателя, представляют соподчиненность и последовательность элементов текста, т.е. выполняют коммуникативные функции.

Библиографический список:

[1] Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

[2] Греч И.М. Готшедова немецкая грамматика: Вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная, 2-м тиснением. – СПб.: При Мор. шляхет. кадет. корпусе, 1769. – 421 с.

[3] Греч Н.И. Записки о моей жизни. – М., 2002. – 463 с.

[4] Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [Л.М. Алексеева и др.]; Под ред. М.Н. Кожинной. – М: Флинта Наука, 2003. – 694 с.

[5] Gottsched J. Ch. Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst. Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst, und bey dieser dritten Auflage merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1752.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КНИЖНОГО РЫНКА В РОССИИ

Сравнивать российский и зарубежный книжный рынки довольно сложно в силу целого ряда причин, но главная среди них — это узость национального рынка русскоязычной литературы как таковой. Особенно он проигрывает в сравнении с англоязычным транснациональным рынком (впрочем, такова судьба почти любого неанглоязычного рынка — французского, немецкого, чешского и т.д.). Конкурировать с англоязычными издателями и книготорговцами, могут, пожалуй, лишь испаноязычный (в силу трансгосударственности испанского) и китайский (по количеству носителей) книжные рынки. Не случайно испанский книгоиздательский холдинг Grupa Palenta уверенно входит в мировой топ-10 самых успешных издательских компаний, дающих самые большие тиражи и имеющих самый большой годовой оборот. Однако первые три места уже который год удерживают англоязычные издательские компании.

В первую десятку входят также две крупнейшие китайские книгоиздательские компании (6 и 7 места рейтинга), одна из которых базируется в Гонконге. Столь почетные места китайских компаний вполне объяснимы, если мы посмотрим хотя бы на численность населения, а также следует принимать во внимание китайскоговорящие диаспоры по всему миру и влияние этой страны в Юго-Восточной Азии.

Однако не только многомиллиардное население или принадлежность к англоязычному рынку обеспечивает высокий уровень сбыта продукции и огромный доход — в Топ-10 вошли германская, французская и голландская компании. Не будет сильным преувеличением утверждение, что германский холдинг Penguin Random House благодаря учебной литературе знают по всему миру, включая Россию, при этом покупатели далеко не всегда задумываются о том, какая страна стоит за этой фирмой.

Российских компаний в этом рейтинге мы не найдем.

Уверенная позитивная динамика англоязычного рынка объясняется не только кратно превосходящей численностью читающего населения, но и прекрасной структурированностью литературного сегмента в целом. Писатель — агент — издательство — книготорговец — вот цепочка, где каждый субъект четко знает свое место и роль. Есть и ресурсы, которые аккумулируют информацию по литературным агентам. Так <http://>

www.agentquery.com/resource_cs.aspx – один из множества ресурсов, где представлена одна из наиболее полных баз данных литературных агентов. У каждого агента прописаны профессиональные достижения, адреса и, разумеется, жанры, с которыми они работают (напр.: FICTION GENRES: Crime / Mystery / Commercial Fiction / Women's Fiction / Young Adult | Thrillers/Suspense; NON FICTION GENRES: Parenting / How-To usiness / Women's Issues / Psychology / Cultural/Social Issues). Примечательно и весьма характерно для организации всего субсектора – это отдельная вкладка с описанием 12 жанров массовой литературы, поскольку автор должен четко представлять для какой публики и какого агента он создает продукт.

Книжная отрасль наряду с туризмом и музеями считается важной составляющей в концепции развития креативных (творческих) индустрий как стимула информационного (постинформационного) общества. В свою очередь, весьма значимое место в книгоиздательском субсекторе креативной экономики занимают журналы. В России традиционно существовал «костяк» литературных изданий. Достаточно вспомнить «Юность», «Неву», «Автору» и пр. Однако даже в лучшие времена наше государство не могла сравниться по количеству подобных изданий с США, где только специализированный поисковик <http://www.pw.org/> выдает 1139 наименований. Впрочем, хотелось бы отметить некоторые особенности этой внушительной цифры. Во-первых, ряд журналов – это журналы цифровые. Собственно в этом факте нет ничего плохого в цифровую эпоху в случае, если журнал зарегистрирован официально. Многие из них предоставляют начинающим авторам возможность бесплатной публикации, что вовсе не делает этих людей автоматически профессиональными авторами, поскольку гонораров они не получают, а их известность не выходит за рамки читательской аудитории этого журнала (для большинства представленных в списке журналов это меньше 1000 человек). Во-вторых, ряд журналов – это университетские издания и носят любительский характер. В-третьих, нельзя сказать и о регулярности выпусков – в год может выйти то два, то четыре номера. И, тем не менее, сам факт издания большого количества подобных журналов говорит о заинтересованности публики и отлаженной циркуляции полезной или хотя бы рекламной информации. В России количество профессиональных изданий гораздо меньше, но все они имеют куда более широкий охват аудитории, официальную регистрацию и признание со стороны как читающего, так и профессионального издательского сообщества.

Анализируя общие тенденции мирового книжного рынка, хотелось бы отметить три общие тенденции. Во-первых, это уверенный рост кни-

гоиздательской индустрии. Все компании, включая, представленные выше, показывают положительную динамику, начиная с 2013 года. Во-вторых, это стабилизация продаж электронных книг. Еще в 2010 году традиционной (бумажной) книге пророчили катастрофу, утверждая, что век ее недолог, а впереди – расцвет книг электронных. Но прошло время и мы столкнулись с парадоксальным явлением – электронная книга не только не победила и не вытеснила книгу традиционную, но даже слегка потеснилась и сдала позиции. В последние годы уровень продаж электронных книг упал на 2–5%. Таким образом, мы можем констатировать насыщение рынка электронных изданий. Интересно, что молодое поколение, которое, как предполагалось, перейдет на электронные тексты, все больше возвращается к бумажной книге. Третья же общая тенденция, тоже в немалой степени парадоксальная, это резкий взлет популярности книг «раскрасок» (российский вариант – «дзэндуддл») – то есть изданий, направленных на гармонизацию и творческую самореализацию, а не на чтение. Примечательно, что при составлении российских топов продаж подобные раскраски и иные схожие по структуре «книги для творчества» не учитываются. При этом менеджеры ведущих книготорговых сетей указывают на лидерство именно этих книг.

Для российского книжного рынка выпуск литературы по саморазвитию и самореализации вообще до крайности актуализировался. Резко возросший спрос на подобные книги (что характерно для эпохи перманентного кризиса) помогает не только выживать, но развиваться даже издательствам средней руки. «Мы прирастаем в среднем на 20% каждый год, – говорит генеральный директор издательства “Манн, Иванов и Фербер” Артем Степанов. – Мы работаем в четких тематических нишах – делаем книги по бизнесу, личностному развитию, детские. Они нацелены на развитие личности, поэтому в большей степени образовательные, чем развлекательные. А в сложных экономических условиях люди склонны тратить меньше денег на что-то необязательное, в том числе развлечения» [5]. Но творческие блокноты и раскраски по итогам 2016 все равно лидируют в данном сегменте литературного рынка: «Читатели в два раза чаще, чем в прошлом году покупали блокнот Кэри Смит “Уничтожь меня” (549 086 за 2016 год) и активно раскрашивали “Зачарованный лес” Джоанны Бэсфорд (97 204 за 2016 год)» [4].

Как показывает статистика последних двух лет, книжный рынок в России стабилизировался – с 2014 года с рынка не ушло ни одно издательство. Еще совсем недавно представлялось, что сектор книгоиздания близок к коллапсу. Даже такой, казалось бы, неплохой «докризисный» год, как 2012 увел из этого бизнеса огромное количество издательств – они либо разорились, либо были поглощены более крупными холдинга-

ми. В свое время мы уже отмечали, что слияния и поглощения — это общемировая тенденция. «Глобализация книжной отрасли, интенсивность которой особенно заметна в последнюю пятилетку, не только охватила старых, традиционных игроков — издателей и распространителей, — но и создала условия выхода на книжный рынок компаний из других секторов, преимущественно технологических. Тенденция к консолидации и укрупнению традиционных издательских структур характерна для разных регионов мирового рынка и различных стран от США до Китая. Особенно она очевидна в Европе (Испания, Италия, Франция, Россия), где крупные издательские корпорации контролируют значительную долю массового и образовательного секторов» [2]. Но вот, совершенно неожиданно, мы видим стабилизацию. Причем стабилизация сразу по нескольким направлениям — и по продажам, и по соотношению электронная/бумажная книга. Аналитики рынка отмечают даже незначительный рост прибыли издательских домов и книготорговых сетей, тут же, правда, указывая, что прибыль в 2016 году достигнута не за счет тиражей, а за счет увеличения стоимости книг (в среднем — на 40% за два года).

В то же время хотелось бы внести некоторые коррективы в данные оценки: в последние годы политика крупнейших игроков книгоиздательского сектора претерпела значительные изменения. Прежде всего, тенденция снижения тиражей характерная для всего книгоиздательского бизнеса в России. Однако следует учесть, что отказ этот — вовсе не примета последних трех–четырёх лет. Это весьма давняя тенденция, отчётливо сформировавшаяся в начале текущего столетия. В прошлом остался «золотой» век книги — 90-е годы XX столетия с огромными тиражами и бесконтрольными продажами.

Да, Россия давно выпала из обоймы самых читающих наций — круг потребителей книгоиздательского сектора постепенно сужался и достиг своего оптимального для данной экономической ситуации состояния. По этой причине издательства делают сегодня ставку не на тиражи, а на количество имен, проводя маркетинговые исследования с целью выявления тех имен, которые реально выстреливают, а потом уже допечатывая тиражи. По сути, каждый новый тираж — это «пробный шар»: пошло — значит, работаем с данным именем, переводим или делаем дополнительный тираж.

Вот пример подобной статистики: «В 2015 году увеличилось количество выпущенных книг: в 2014-м вышло 14 874 наименования художественной литературы, а в 2015-м уже 16 303. В сегменте детской литературы также очевиден прирост: если 10 599 наименований в 2014 году, 10 825 — в 2015-м» [3, с. 7]. Повторим еще раз — речь о наименованиях, а не тиражах. В целом же, пока мы можем констатировать, что

рост есть, но не за счет непосредственно художественной литературы, а за счет, как мы писали выше, учебной и «мотивационно-творческой». Доля переводных изданий в общем объеме выпускаемых книг и брошюр в последние годы также остаётся неизменной: на уровне 10% по числу выпускаемых названий и 12–13% по тиражу (хотя несколько изменяется ситуация внутри этого сегмента – растет количество переводов с английского языка [3, с. 8]).

Итак, сравним топ продаж по 2015 и 2016 годам. Первые три места два года подряд занимают три вне всяких сомнений достойные дамы – авторы детективов – Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Татьяна Полякова. Помимо этих знаменитых имен, в топ 2015 года попали и другие наши соотечественники – Наталья Александрова, Екатерина Вильмонт, Анна и Сергей Литвиновы, а замкнул десятку – Борис Акунин. Из иностранцев в том-10 2015 года попали Рэй Бредбери и Стивен Кинг (классика у нас всегда в почете), а также – Э.Л. Джеймс.

В 2016 году кроме дам-лидеров, в десятке из российских – Олег Рой и Екатерина Вильмонт; а из зарубежных (помимо все тех же Бредбери и Кинга) – Чак Паланик, Г.Д. Робертс и Э.М. Ремарк. Как мы видим – вкусовые предпочтения россиян отличаются завидным постоянством – если мы не раскрашиваем, то читаем детективы (желательно, чтобы с ноткой юмора), развлекаем их немного сентиментально-любовной темой и время от времени возвращаемся к «вечной классике», но в облегченном варианте.

**Топ-10 ведущих писателей, произведения которых
были изданы в России наибольшими тиражами в 2015 гг.**

№ п/п	2015	Число названий	Общий тираж, тыс. экз.
1	Донцова Д.	117	1968,0
2	Устинова Т.	72	891,0
3	Полякова Т.	82	827,0
4	Александрова Н.	98	648,0
5	Кинг С.	97	612,0
6	Джеймс Эл.	6	550,0
7	Вильмонт Е.	44	542,0
8	Бредбери Р.	57	524,0
9	Литвиновы А. и С.	43	513,5
10	Акунин Б.	49	490,8

Источник: [3, с. 15].

Детский рынок в России, на первый взгляд, отличается крайней степенью консерватизма – пробиться на нем новым именам практически невозможно. Родители покупают детям те книги, на которых выросли сами, потому в «вечных» лидерах у нас К. Чуковский, А. Барто и Г.Х. Андерсен [см. 3, с. 15]. Впрочем, здесь следует учитывать довольно сильную градацию читательских предпочтений в зависимости от возраста – как только ребенок начинает читать сам, его вкусы и пристрастия могут значительно измениться. Кроме того, важно помнить о различиях в принципах формирования рейтингов (некоторые из них составляются автоматически, например, на <http://pro-books.ru/raiting/child>), и от рейтинга к рейтингу картина может отличаться довольно сильно, например, ниже приведены два рейтинга по детской литературе – один по величине тиража («Отраслевого доклада» [3]), второй – рейтинг продаж с сайта pro-books.ru (используются данные книжных магазинов: Торговый дом «Москва», Дом книги «Молодая Гвардия», Московский Дом Книги, Торговый дом «Библио-Глобус», книжная сеть «Буквояд», книготорговая группа «ПродаЛитЪ»; интернет-магазины: «Санкт-Петербургский Дом Книги», «Республика», «Лабиринт», Ozon.ru). Если судить по первому рейтингу, то действительно, дети вроде бы читают в основном детскую отечественную классику. Но, если посмотреть на второй рейтинг, то оказывается, что воспитываем мы подрастающее поколение в значительной мере на иностранном опыте.

**Топ-10 ведущих детских писателей, произведения которых
были изданы в России наибольшими тиражами в 2015 гг.**

№ п/п	2015	Число названий	Общий тираж, тыс. экз.
1	Чуковский К	132	2410,5
2	Остер Г.	39	1375,0
3	Степанов В.	52	907,0
4	Барто А.	74	815,5
5	Гурина И.	37	734,0
6	Носов Н.	83	715,0
7	Маляренко Ф.	23	575,0
8	Андерсен Х.	53	534,2
9	Пушкин А.	61	513,0
10	Владимиров В.	24	490,0

Источник: [3, с. 15].

Данные о книжных бестселлерах за период 18.11.2015–18.11.2016

№	Название	Автор	Рейтинг
1	Букварь	Надежда Жукова	1629
2	Гравити Фолз. Дневник Диппера и Мэйбл. Тайны, приколы и веселье нон-стоп!	Диппер Пайнс, Мэйбл Пайнс	1576
3	Таинственный сад. Книга для творчества и вдохновения	Джоанна Бэсфорд	1166
4	Вино из одуванчиков	Рэй Дуглас Брэдбери	613
5	Игралочка. Математика для детей 4-5 лет. Часть 2	Людмила Петерсон, Елена Кочемасова	609
6	Общаться с ребенком. Как?	Юлия Гиппенрейтер	550
7	Как говорить, чтобы дети слушали, и как слушать, чтобы дети говорили	Адель Фабер, Элейн Мазлиш	543
8	Гарри Поттер и Философский камень (+ эксклюзивная стерео-варио открытка)	Джоан Кэтлин Роулинг	533
9	Все о муми-троллях	Туве Марика Янссон	533
10	Раз – ступенька, два – ступенька... Математика для детей 5-6 лет. Часть 1	Людмила Петерсон, Надежда Холина	526

Источник: <http://pro-books.ru/raiting/child>.

Особую нишу в российской книгоиздательском сегменте занимают электронные издания и специализированные платформа для самиздата. Так, если в США самыми востребованными являются <http://www.publishersweekly.com/>; <http://www.indiesunlimited.com/>; <https://www.bookworks.com>, где представлены советы начинающим писателям, выложены мастер-классы и полновесные статьи по технологии и писательскому искусству, то в России наиболее перспективным проектом оказался Ridero. Однако, как показал анализ ряда «изданий» (в том числе Ridero), далеко не все можно назвать «книгами». Более того, развитие подобных ресурсов подчас попросту работает на снижение «книжной культуры» как таковой – книги издаются без редактирования и корректуры. Отчасти, подобного рода платформы скомпрометировали саму идею электронных книг, а потому и продажи несколько упали, а современный читатель и издатель не видят в электронной книге конкуренции книге бумажной [6].

Важной причиной туманности перспектив развития книжной отрасли в России является высокий уровень арендной платы, особенно в местах с большой проходимостью. Сеть книжных магазинов до сих пор не восстановлена, а в некоторых регионах продолжается сокращение. Президент Ассоциации книгораспространителей независимых государств Надежда

Михайлова приводит такие данные: «на 146 млн человек у нас около тысячи книжных магазинов: на Москву и Санкт-Петербург приходится около 400 магазинов, а что остается другой части огромной страны? Для сравнения, во Франции на 65 млн человек – 3,5 тысячи книжных магазинов» [1].

Подводя итог, можно выделить факторы, определяющие как ситуацию, так и настроения российского книжного рынка. Во-первых, расширение ассортимента и введение в тренд новых форм печатной продукции для взрослых (раскраски, комиксы, графические романы и пр.). Во-вторых, происходит понимание, что изменение соотношения бумажных продаж (как оффлайн, так и через интернет-магазины) и электронных изданий не является фактором, свидетельствующим о смерти книжного рынка. В-третьих, что действительно может угрожать книжной отрасли, так это развитие платформ для самоиздания и самопродажи (не дискутируя о качестве такой продукции, примем в расчет только сам факт внеиздательского и внемагазинного оборота книги). В-четвертых, власти стоит задуматься о стимулировании развития книжного рынка путем предоставления преференций книгоиздателям и книготорговцам (например, в Воронеже ввели нулевую арендную ставку для киосков печати). Иными словами, книжный рынок в России будет существовать, но с учетом количества переводной литературы (прежде всего англоязычной), какое место на этом рынке будут занимать отечественные авторы (без государственной поддержки и программ развития национальной литературы) пока не вполне понятно.

Библиографический список:

[1] Воздвиженская А. Спад пришелся к слову // Российская газета. – № 7104 (236). – 18.10.2016. – <https://rg.ru/2016/10/18/chto-pomeshalo-razvitiu-knigotorgovliv-rossii.html> (дата обращения 12.11.2016)

[2] Дела на рынке: глобальный рынок электронных книг 2014–2015. // Электронный ресурс – <http://www.bookind.ru/categories/abroad/3975/> (Впервые опубликовано в журнале «Книжная индустрия», № 4–5 (136–137), май-июнь, 2016) – (дата обращения: 10.09.2016)

[3] Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / Под общей редакцией заместителя Руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям В.В. Григорьева. – М., 2016. – 107 с.

[4] Ломыкина Н. Самые продаваемые нехудожественные книги 2016 года. // Forbes. – Электронный ресурс – <http://www.forbes.ru/biznes-photogallery/336629-samye-prodavaemye-nehudozhestvennye-knigi-2016-goda>– (дата обращения: 12.02.2017)

[5] Соколова Н. Донцова, Чуковский и другие // Российская газета. – № 7058 (190). – 24.08.2016. – <https://rg.ru/2016/08/24/spisok-bestsellerov-2015-godavozglavila-planeta-voda-borisa-akunina.html> (дата обращения – 10.11.2016)

[6] Кривич Н.А., Чукуров А.Ю. Книжная культура: вызовы современности // Общество. Среда. Развитие. Научный журнал. – 2016, №4 – С.110–114

УДК 75.026 + 75.041.5

ББК 85.143(2)

Н.А. Орлова, М.В. Егоркина, Т.П. Сверчкова, Т.Д. Паникаровская

КОПИРОВАНИЕ ДЕТЬМИ ЖИВОПИСНЫХ ПОРТРЕТОВ: МЕТАМОРФОЗЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ

Статья посвящена анализу самостоятельной работы учащихся Школы искусств № 10 по копированию живописных портретов. Копирование здесь – не самое подходящее понятие, оно используется за неимением более точного. По сути, это творческие воспроизведения, выполненные в соответствии с возрастом и навыками детей, но сохраняющие наиболее значимые особенности оригинала. Решая одновременно технические и образные задачи, дети вступают в процесс сотворчества с художником, создавая новые выразительные образные решения.

Прежде чем анализировать метаморфозы художественной образности, поясним методические и педагогические задачи работы над копированием.

Само появление такого задания обусловлено Федеральными государственными требованиями, которые предусматривают создание собственных учебных программ в рамках основной образовательной программы, увеличение часов на самостоятельную работу, введение новых форм аттестации. Методическим советом школы в 2013 году было решено ввести копирование в аттестационное задание для первого класса, для чего предусмотреть и соответствующие формы внеаудиторной работы [4].

Выбор копирования обусловлен несколькими соображениями. Во-первых, тем, что копирование входит в число академических традиций обучения изобразительному искусству, а, согласно Федеральным госу-

дарственным требованиям, Школа искусств является ступенью пред- профессионального образования. Во-вторых, копирование способствует развитию наблюдательности и зрительной памяти, умению анализировать и сравнивать, вычленять основную и второстепенную информацию и, конечно, пониманию процесс создания произведения. Ну и конечно, самостоятельная работа способствует развитию навыков планирования деятельности, оценивания степени успешности достижения цели, умению находить и исправлять свои ошибки.

Копирование – важная форма работы в этом возрасте, обусловленная психофизиологическими особенностями. Дети еще не очень умеют рисовать с натуры, скорее, они работают по поводу натуры. Для них понятнее и эффективнее иметь дело с тем, что уже изображено, с уже созданной картиной, а не с непосредственным зрительным впечатлением. Для рисования с натуры требуются развитые аналитические навыки, которые еще предстоит освоить. Собственно, популярность срисовывания и раскрасок (в т.ч. и для взрослых) обусловлена психологической комфортностью такого вида работы, несмотря на недостаток изобразительных навыков. Детям нелегко самостоятельно придумывать образы и сюжеты, ведь детское воображение не столько богатое, сколько подвижное – уловить образ «из ничего», из собственного воображения, остановить и зафиксировать его непросто.

Обучение рисованию должно следовать этапам детского творчества, и копирование оправдано, т.к. отвечает потребностям и возможностям младшего школьника. Можно сказать, что копирование – слишком сложная задача для учащихся такого возраста, что надо прежде научить грамоте рисунка, что рисовать надо то, чему ребенок обучен – т.е. двигаться от простого к сложному. Однако, как подчеркивает С.Д. Левин, ссылаясь на Л.Н. Толстого, «учителю кажется легким самое простое и общее, а для ученика только сложное и живое кажется легким» [1, с. 63]. Он же справедливо подчеркивает, что невозможно сначала развить способности, а затем использовать их [1, с. 63-64]. Обучение – процесс синкретический, в котором постижение грамоты и образности неразрывны. Более сложная задача дает толчок способностям к освоению пропорций, цвета, формы (т.е. развитию изобразительной грамотности).

Итак, для копирования были предложены детские портреты И.Я. Вишнякова, А.Г. Венецианова, В.А. Тропинина, В.А. Серова, А.А. Пластинова, К.Н. Истомина, А.И. Лактионова. Самостоятельное копирование выполнялось «на глаз» без нанесения сетки и калькирования. От учащихся требовалось соблюдение определенной последовательности: компоновка в формате А3, выполнение рисунка под акварель или гуашь с соблюдением строения, пропорций фигуры; работа в цвете с передачей

цветовых и тональных отношений и общего колористического решения. Перед детьми стояла довольно сложная техническая задача: понять строение живописной поверхности оригинала, как правило, выполненного маслом, использовать известные им приемы работы акварелью или гуашью — заливки, лессировки, вливание одного цвета в другой, пастозное решение, смешивание цветов. При этом главная (объединяющая все этапы) задача — выразительность, т.е. передача настроения, состояния, характера человека на портрете.

Копирование, выполняемое по дисциплине «Основы изобразительной грамоты и рисование» поддерживает еще и дисциплину — «Цветоведение», в которой высока теоретическая составляющая. Задания по цветоведению выполняются обычно в виде сеток, таблиц, растяжек, т.е. носят преимущественно технический характер. Задания по копированию могут здесь стать хорошими помощниками. Например, задание по копированию пейзажа, требует анализировать и понимать, с помощью каких цветовых отношений художник передает атмосферу зимы или осени. Задание по копированию натюрмортов знакомит детей с группами и свойствами цветов.

Важный этап работы — выбор объекта копирования. В некоторых случаях инициативу брал себя преподаватель и сам предлагал репродукцию, в других случаях детям давалась возможность сделать самостоятельный выбор, в котором, как правило, участвовали родители. Замечено, что при первом задании — выбрать репродукцию для копирования — примерно половина детей (а значит и семей) предпочла репродукции с работ И.И. Шишкина, И. Левитана, т.е. совершила выбор в пользу полноценного живописного произведения; другая половина выбрала китчевые глянцевые картинки или фотографии. Однажды родители подсказали ребенку выбрать портрет Мэрилин Монро Энди Уорхола. Для обретения профессиональных навыков в русле академической традиции такой выбор неприемлем. Процесс выбора превращается в механизм воспитания вкуса, аспектами которого является умение отличать произведение искусства от массовой низкохудожественной продукции (пусть и концептуально обоснованной, как в случае с Э. Уорхолом).

Итак, избранные для анализа задания по копированию выполняли учащиеся первого класса школы (40 детей в возрасте 7—9 лет) в 2014—2015, 2015—2016 учебных годах. Серия заданий по свободному копированию выполнялась в течение учебного года в виде домашних заданий, в конце учебного года в течение месяца проводились аудиторные занятия, итоговое занятие по копированию портрета являлось зачетным по дисциплине «Основы изобразительной грамоты и рисование».

Копии, выполненные учащимися, по-своему очень выразительны и обладают рядом художественно-эстетических достоинств. Конечно, взрослый зритель, глядя на детские работы, невольно проецирует впечатление на «детское» в собственной душе, что и вызывает очень непосредственное восприятие. Однако не только умиление, но именно об-разная выразительность позволяют относиться к детским работам как к полноценному творчеству: «они вызывают у зрителя сопереживание, эстетические эмоции», они наполнены «поэтической атмосферой, не-уловимыми ассоциациями, оттенками чувств и настроения, в них есть какая-то недоговоренность, подтекст, невысказанный в самом произведе-нии явно» [1, с. 136–137]. На сегодняшний день признано, что «детский рисунок как произведение художественно-изобразительного творчества достоин искусствоведческого изучения» [3, с. 6].

Кратко охарактеризуем, за счет каких приемов формируется специ-фическая выразительность наивного, гротескного и эмоционально бо-гатого художественного образа.

Детская копия узнаваема, то есть соблюдены основные моменты внешнего сходства. Если это копия «Девочки с персиками» В.А. Серова, то на листе будет и девочка с бантом на розовом платье, и персики на столе. Если это «Джоконда» Леонардо, то на бумаге поясное изображение женской фигуры с улыбкой, а на фоне – пейзаж.

Однако, при сходстве основных моментов, работы неизбежно об-ладают многочисленными композиционными, анатомическими, про-порциональными, цветовыми нарушениями. При этом «ошибки», допу-щенные из-за недостатка опыта и навыков, превращаются в элементы выразительной трогательности, даже трепетности образов.

Допуская композиционные неточности, дети нередко выражают свои предпочтения – уменьшают или увеличивают фигуру по отноше-нию к фону или к окружающим предметам; выбирают фрагментарное изображение. Могут быть искажены пропорции – отношение головы к телу, величина глаз, носа, рта, рук. Искажаются или сознательно из-меняются, например, цвет волос (аргументируется тем, что такой цвет волос не нравится), строение головы, фигуры, могут отказаться от изоб-ражения ушей (мотивируется тем, что это некрасиво). Анатомические погрешности связаны с отсутствием знаний пластической анатомии и навыка изображения фигуры человека с натуры; трудности в передаче ракурса фигуры, перспективных сокращений рта, глаз связаны с незна-нием законов линейной перспективы. Очевидны трудности в передаче объема, глубины пространства («третьего измерения»), недостатки то-нального решения из-за незнания законов светотени и воздушной пер-спективы. Копирование произведений масляной живописи акварелью

или гуашью вкупе с недостаточно развитыми навыками работы, дает в результате как будто то же, да не то.

К специфическим детским приемам выразительности можно отнести плоскостность, гиперболизацию некоторых элементов фигуры или деталей картины. Стремясь к реалистичности, дети тщательно изображают пять пальцев на руке или украшения на костюме. За это желание детей «изображать предмет так, чтобы все части были видны ясно», В.М. Конашевич называет детей «реалистами, даже слишком последовательными» [2, с. 193]. Ребенок в этом возрасте еще не созрел к тому, чтобы жертвовать деталями ради образа. Нередко дети осовременивают изображение – могут, например, изобразить вместо пуговиц на телогрейке молнию.

Из трех копий В. Серова («Девочка с персиками») только в одной величина и расположение фигуры соответствуют формату, в другой фигура слишком крупная, в третьей, напротив, маленькая. В одной из копий пропорции заметно искажены – слишком большая голова, тоненькие руки, маленькие кисти. Имея дело с одной и той же репродукцией, все дети по-разному изобразили спинку стула, на котором сидит девочка, орнамент тарелки на стене, цвет яркого банта на платье. Однако во всех случаях оригинал, безусловно, узнаваем.

Среди двух копий «Портрета великой княжны Ольги Александровны» В.А. Серова наиболее выразительна копия Леры О., далеко отошедшая от оригинала в передаче цветового решения. Лера смягчила тональные отношения, использовала разнообразные приемы работы акварелью и добилась гармоничности и цельности образа – лицо окутано дымкой и туманом, рождается романтическое настроение, образ нежного, хрупкого создания. При этом парадоксальным образом выделены черные брови, взятые локальным цветом.

Дети порой меняют цвет отдельных частей и даже общую цветовую гамму, так, например, Катя М. в копии «Портрета великой княжны Елены Павловны» Д.Г. Левицкого, заменила холодный зеленовато-серебристый колорит оригинала радостной красно-оранжевой гаммой, отчего работа приобрела неожиданное звучание. Теплый насыщенный колорит «Портрета князя Ф.Н. Голицына в детстве» И. Я. Вишнякова сохранили в своих копиях Соня С. и Света Г., в вот Настя К. решила фон в холодной гамме, что придало образу оптимизм и свежесть.

В трех копиях «Портрета сына» В. А. Тропинина самый выразительный образ меньше всего похож на оригинал (автор работы – Саша З). Погрешности ракурса и пропорций, отказ от деталей придали порывистость выражению лица и всей фигуре мальчика. Лаконичное изображение глаз сразу привлекает внимание. У Саши З. смело взяты тональные

отношения, подсмотренные у художника, — светлая головка на темном фоне акцентирует одухотворенность и трепетность образа.

Нармина М. в копии того же портрета добивается выразительности другими способами. Ее работа подкупает сложностью цветового решения и высокой акварельной техникой, за счет чего, главным образом, и передана возвышенная торжественность образа. Сходным образом решает свою задачу Варя В. (В.А. Серов «Девочка с персиками», демонстрируя незаурядные колористические способности и технику работы гуашью. Хотя, вообще дети в этом возрасте в живописных задачах стремятся к упрощению цветового решения, к передаче локального цвета. Они избегают сложности цветовых отношений, особенно в передаче лица, предпочитая, как они говорят, «бежевый» или «розовый», несмотря на то, что определенные навыки у них уже присутствуют. Живописный подход — индивидуальная особенность Нармины М. и Вари В.

В отношении избирательного подхода к деталям достаточно взглянуть на копию «Портрета неизвестной в русском костюме» И.П. Аргунова работы Кати М., которая с любовью прорисовала «украшения и детали одежды, тогда как лицу уделила явно меньше внимания. Во всех трех копиях «Портрета князя Ф.Н. Голицына в детстве» И.Я. Вишнякова авторы попытались тщательно передать детали костюма, в особенности расшитые золотом обшлага рукавов, но у всех троих это получилось по разному. Иначе подошла к своему образу Нармина М. в копии леонардовской «Джоконды». Все свои усилия она сосредоточила на передаче таинственности улыбки, что ей вполне удалось. Варя П. в копии «Портрета Вали Репиной» А.А. Пластова сознательно отказалась от изображения орнамента на красном платье (не получалось), а Марта М. в копии «Портрета Ванюшки Репина» А.А. Пластова действительно не заметила рубашки под телогрейкой.

Возвращаясь к вопросу о технических приемах юных копиистов, обратим внимание на их разнообразие: кто-то пытается имитировать масляную живопись (Лия А., Анфиса Я., Полина К.), кто-то, очарованный возможностями акварели и гуаши, изобретает собственные приемы или творчески использует знакомые (Саша З., Лера О., Диана В., Катя М.). Три автора копий «Захарки» А.Г. Венецианова нашли разные приемы передачи фактуры меха — в одном случае это крупные отдельные мазки одного цвета (Саша Г.), в двух других живописный подход и разнообразные по цвету мазки (Лиза К., Таня Б.)

Важным фактором выразительности является, без сомнения, диалог двух личностей — художника и ребенка. Ребенок произвольно вносит свое понимание и картины, и натуры. Ребенок как бы примеряет образ на себя, отчего часто работы приобретают автопортретный характер.

Известный тезис о том, что любой картине незримо присутствует автор, что искусство одновременно и портрет реальной жизни, и автопортрет художник [1, с. 98], наши копии всецело подтверждают. Буквальная автопортретность присутствует в копиях картины А. А. Пластова «Ванюшка Репин», выполненных Мартой М., Тимофеем П., в «Портрете князя Ф.Н. Голицына» И.Я. Вишнякова Сони С.

Наиболее близки к оригиналам работы Тани Б., продемонстрировавшей внимательность, наблюдательность, грамотность исполнения, однако выразительности ее работам недостает. Эмоциональный накал и даже некоторая пафосность изображений присущи работам, которые менее похожи на оригинал, но зато в них дети воспроизвели образ, как правило, усилив его, сделав даже более трагическим или более оптимистическим, чем сам художник. Таковы работы Полины К., Вари В., Дианы В., Анфисы Я. (копия картины Истомина К.Н. «Дочь рыбака»), Лизы К. («Захарка» А.Г. Венецианова), Лии А. («Валя Репина» А.А. Пластова).

Возрастные и индивидуальные цветовые предпочтения видны в работах Кати М., Леры О., Нармины М., Майи К., Полины К., что также придает работам выразительность. Особой смелостью решений, демонстрирующей «незашоренность» взгляда, отличаются произведения Лии А., Саши З., Иры Х. Этим же работам наиболее свойственны гротескные аспекты образности.

Объяснений специфики выразительности детского рисунка несколько. Во-многом, она связана с тем, что ребенок пытается, насколько это возможно, заимствовать выразительные приемы оригинальной работы, словно бы пройти тем путем, каким прошел художник. Особенно это сказывается на цветовом решении, дети обладают колористическим чутьем, но вносят изменения, исходя из собственных цветовых предпочтений, обусловленных индивидуальностью, возрастными особенностями.

В конечном произведении неизбежно сказывается и общий культурный уровень ребенка, его воспитание.

И, конечно, важна личность учителя, его способы помогать в выборе репродукции, давать дополнительную информацию, обсуждать выполненные задания, ставить задачи и оценивать результаты работы. Особенно важно, чтобы задачи, поставленные учителем, совпадали с возможностями и потребностями младшего школьника, поскольку обучение рисованию должно совпадать с этапами развития детского творчества. Для младших школьников характерны следующие особенности, названные исследователями периодом «смешанной схемы» [1, с.70]: дети пытаются воспроизвести не только отдельные предметы, но и связи между предметами, выразить взаимодействие и взаимное расположение

в пространстве; совершить прорыв в глубину, передать третье измерение за счет совмещения нескольких точек зрения; более точно показать движения и пропорции [1, с. 59–70].

Кстати, дети, как правило, безошибочно определяют лучшие работы, оставаясь при этом уверенными, что и сами они прекрасно справились. Наблюдения преподавателя, подкрепленные результатами анкетирования учащихся в одной из групп, позволяют увидеть, что дети, в целом, верно оценивают собственные копии, замечают недостатки и видят пути их исправления. И при этом они испытывают реальное удовлетворение результатом – взрослые в аналогичной ситуации стали бы стесняться своего неумения. Для взрослого (эта тенденция прослеживается с подросткового возраста) важен уровень грамотности изображения, обученности; соответственно, понимание погрешностей лишает удовольствия от результата. Для детей рисование это внутренняя потребность, способ познания мира, им важен сам процесс творчества и связанный с ним эмоциональный выплеск, все остальное – вторично.

Они воспринимают лист как игровое поле, даже как «поле битвы» с поставленной задачей. Эта существенная особенность детского творчества, четко сформулированная ответами анкет, подмечена как в педагогической литературе [1, с. 50–51], так и в художественной: «Дали Мурочка тетрадь...» К. Чуковского; «Отойди от моей лошади» С. Вольфа.

Детей этого возраста не смущает сложность задания. Они воспринимают его как выполнимое, это для них этап, после которого они чувствуют себя «подросшими». Такая самооценка в наших анкетах вполне согласуется с данными педагогической науки. Так, в известной и не потерявшей актуальности книге Н.П. Сакулиной отмечается, что для ребенка «момент творческой свободы действия – достижение, полученное в результате освоения ряда действий, потребовавший и времени, и труда... Затрачиваемые при этом усилия не тягостны для ребенка благодаря той увлеченности, эмоциональности, которые характеризуют процесс, направляемый желанием выразить свой замысел» [6, с. 106].

Самым сложным, согласно ответам анкеты, дети считают подбор цветовых отношений, сочетание красок, мало кто отмечает трудности с линейным рисунком, передачей сходства, анатомических особенностей природы. Заметим, что оценка учителя выглядит прямо противоположной – цветоевое решение признается наиболее удачным, а остальные аспекты понимаются как следствие недостатка навыка и опыта.

В наиболее общем виде особенности художественной образности детских копий можно охарактеризовать как перевод возвышенного в наивное. Как известно, наивность в искусстве «предполагает незатронутость воздействием ученого артистизма, художественное сознание, так

сказать, “незасоренное” посторонними ему образами, как бы впервые решающее свои проблемы» [5, с. 10]. Наивность как общий знаменатель художественной выразительности раскрывается в богатом разнообразии приемов и аспектов художественной формы.

Подводя итог, отметим, что работа над копированием продемонстрировала, с одной стороны, наличие умений и навыков, с другой, позволила приобщиться к творчеству и создать выразительные произведения.

Библиографический список:

1. Левин С. Ваш ребенок рисует. Книга о детском рисунке. – М.: Советский художник, 1979. – 272 с.
2. Конашевич В.М. С. О себе и своем деле. – М.: Детская литература, 1968. – 496 с.
3. Некрасова-Каратеева О. Л. Детский рисунок: комплексное искусствоведческое исследование. Автореферат диссертации на соискание степени доктора искусствоведения (специальность 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура). – СПб., 2006. – 54 с.
4. Положение о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся Санкт-петербургского государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей «Санкт-Петербургская школа искусств № 10». – СПб., 2013.
5. Прокофьев В.Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. – М., 1983. – С. 6–28.
6. Саккулина Н.П. Рисование в дошкольном детстве. – М.: Просвещение, 1965. – 214 с.

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ИГРА КАК МЕТОД ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОБУЧЕНИЯ)

Педагогам известно, что дидактическая игра является формой деятельности учащихся в учебных ситуациях, специально создаваемых педагогом и направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, выраженного в виде знаний, умений и навыков по той или иной учебной дисциплине. А.С. Роботова и К.В. Романенчук полагают, что «в педагогической теории игру относят к важным для человека видам деятельности, обеспечивающим интеллектуальное, эмоциональное и нравственное развитие. Сегодня игра выступает как многозначный культурный и педагогический феномен, однако возможности игры далеко не изучены» [1, с. 73]. Г. Селевко считает так: «Значение игры невозможно исчерпать и оценить развлекательно-рекреативными возможностями. В том и состоит ее феномен, что, являясь развлечением, отдыхом, она способна перерасти в обучение, в творчество, в терапию, в модель типа человеческих отношений...» [3, с. 214].

Анализируя вышесказанное, отметим, что игра, умело применяемая педагогом на уроках любого профиля, является одним из двигателей образовательного процесса, т.к. она позволяет активизировать творческий потенциал учащихся, субъективно облегчать процесс освоения дисциплины, а также заинтересовывать человека в получении новых знаний. В соответствии с данной идеей современные преподаватели достаточно успешно используют среди инновационных форм организации обучения и стимулирования активности учащихся такой метод обучения, как дидактическую игру, которая представляет собой целенаправленную организацию учебно-игровых взаимодействий обучаемых в процессе моделирования разнообразных учебных ситуаций [4].

Что касается уроков русского языка как иностранного, то здесь значение дидактической игры трудно переоценить. В данном случае этот метод обучения иностранцев позволяет интенсифицировать процесс обучения русскому языку как иностранному, т.е. *достичь целей, поставленных перед преподавателями РКИ наиболее эффективными и эффективными способами*. Так с помощью дидактической игры преподаватели могут в полной мере активизировать ранее полученные знания учащихся по лексико-грамматическим темам на начальном этапе обучения; в не-

принуждённой форме обобщить знания, умения и речевые навыки слушателей по грамотному употреблению грамматических конструкций в русском языке; создавать условия для полноценного развития коммуникативной компетенции учащихся в совокупности всех её составляющих: речевой, языковой, социокультурной, учебно-познавательной и др. Дидактическая игра успешно помогает заложить способности и готовности к общению на иностранном языке, коммуникативных умений в четырёх видах РД (речевой деятельности) с учётом возможностей и потребностей иностранных учащихся.

Кроме того, применение дидактической игры на уроках РКИ способствует лучшей коммуникативно-психологической адаптации учащихся к новому для них языковому миру, а также помогает преодолеть психологический барьер в использовании иностранного языка как средства общения. Не стоит забывать и о том, что дидактическая игра может способствовать формированию у иностранных учащихся дружелюбного отношения, уважения к жителям России, позитивного отношения и устойчивого интереса к русскому языку как языку великой культуры. Этот метод работы позволяет скорейшим образом мотивировать учащихся к изучению нового для них языка, приобщить их к новому социальному опыту за счёт широкого спектра проигрывания социальных ролей в игровых ситуациях семейно-бытового и учебного общения [2].

В данном контексте стоит отметить, что, по мнению исследователя А.Н. Шукина, «педагогическая игра обладает существенным признаком – чётко поставленной целью и соответствующими её педагогическими результатами, которые могут быть обоснованы, выделены в явном виде и характеризуются учебно-познавательной направленностью» [5, с. 112].

Для достижения педагогических целей обучения РКИ, о которых мы говорили выше, педагоги, организуя дидактические игры на своих уроках (ролевые или сюжетные игры, игры-тренинги и др.), как правило, ориентируются на четыре *главные особенности*, присущие большинству из них:

- во-первых, это свободная развивающая деятельность, предпринимаемая ради удовольствия от самого процесса деятельности, а не только от полученного в итоге игры результата;
- во-вторых, эта деятельность носит творческий, в значительной мере импровизационный, очень активный характер;
- в-третьих, для игры характерна эмоциональная приподнятость, соперничество, состязательность, конкуренция и т.п.;
- в-четвёртых, наличие прямых или косвенных правил, передающих содержание игры, отражающих логическую и временную последовательность её развития [5].

Практикующие педагоги знают, что в обучении русскому языку как иностранному можно обозначить два вида игр: *языковые* игры, к которым относятся фонетические, орфографические, лексические и грамматические, а также *коммуникативные*: к ним относят ролевые и творческие игры.

В связи с тем, что ведущей целью обучения иностранному языку учёные и методисты называют коммуникативную цель, особой популярностью у современных преподавателей пользуются игры, носящие коммуникативный характер. Они, в свою очередь, способствуют решению следующих задач:

- формируют психологическую готовность учащихся к активному речевому общению;
- обеспечивают естественную необходимость многократного повторения языкового и речевого материала;
- тренируют учащихся в выборе нужного речевого варианта, т.е., готовят их к свободной спонтанной речи.

Особенно распространены на уроках русского языка как иностранного именно *ролевые игры*. Это происходит по той причине, что в таких играх учащиеся непосредственно включаются в моделируемую ситуацию, которая требует от них анализа данной ситуации и, конечно, последующего принятия решения. В ролевой игре осуществляется распределение учащихся по ролям, а также разыгрывание ситуаций общения в соответствии с заданной темой и ролями учащихся. В этом контексте важным представляется то, что учащиеся стараются познать не только языковую, но и социокультурную составляющую той культуры, язык которой они изучают. Известно, что ролевая игра представляет собой относительно целостный цикл управляемого взаимодействия между преподавателем и учащимися, состоящий из трёх этапов: подготовки ролевой игры, её проведения и коллективного обсуждения полученных результатов. Следовательно, ещё в процессе подготовки к игре происходит развитие интеллектуальных умений учащихся: аналитических, прогностических, оценочных и др., а также развитие творческого потенциала учащихся, поскольку перед ними часто ставится цель — вжиться в образ человека, роль которого они будут исполнять в игре, за которого они постараются мыслить [5].

Стоит отметить, что организация игры — очень напряженный процесс для самого организатора, т.е. для преподавателя, т.к. он должен быть сосредоточен на непрерывном творческом поиске. Вся подготовительная деятельность дидактической, а в особенности, ролевой игры должна строиться на прогностической основе, т.к. прогнозирование дает возможность преподавателю представить учебную ситуацию, про-

вести многовариантный анализ хода и результатов ролевых действий учащихся [2].

Так, ещё на этапе подготовки ролевой игры преподавателю следует тщательно продумать сценарий, составить план и общее описание игры, выделить для себя и для учащихся характерные особенности действующих лиц и т.д. На этапе объяснения необходимо соответственно сориентировать учащихся, определить их режим работы, сформулировать главную цель, обозначить проблему, выбрать нужную ситуацию, подготовить участников игры в психологическом отношении. А на этапе анализа и обобщения преподаватель проводит обязательный анализ результатов ролевой игры, оценивает собственную работу и работу учащихся, делает выводы, даёт рекомендации на будущее [4].

Необходимо помнить о том, что для реализации игрового метода на уроках РКИ следует предлагать учащимся общий тематический каркас и соответствующие ему ситуации учебного общения. Например, тема: проезд на общественном транспорте, а ситуации для учебного речевого проигрывания могут быть следующие: оплата проезда в России и на родине учащихся, правильный выбор денежных знаков, распрос пассажиров о нужной остановке в транспорте, поиск потерянной вещи, а речевые роли здесь такие: водитель, пассажир, другие пассажиры в транспорте, кондуктор и др.

Преподавателям известно, что ролевые игры делятся на социально-бытовые и профессиональные или деловые. По нашему мнению, на уроках РКИ стоит уделять внимание и тем, и другим в равной степени, поскольку социально-бытовые игры способствуют формированию навыков и умений иноязычного общения в быту и развивают инициативность, коллективность, ответственность, тогда как профессиональные игры позволяют формировать культуру общения в профессиональной сфере [5].

Опыт практикующих преподавателей РКИ позволяет утверждать, что дидактические игры различного типа снижают монотонность учебного процесса в целом, активизируют способности и готовность иностранных учащихся к общению на иностранном языке с учётом их индивидуальных возможностей и потребностей, инициируют творческий подход к учебному процессу. Так именно в ходе игр учащиеся с лёгкостью узнают много русских афоризмов, выражающих смысловую ёмкость ключевых культурологических понятий. Загадки-шутки, ребусы, конкурсы, — все это и многое другое не только оказывает стимулирующее действие на общую интеллектуальную активность учащихся, но и способствует формированию позитивного отношения и устойчивого интереса учащихся к русскому языку как языку великой культуры.

Пользуются успехом также дидактические игры, проводимые в форме игры-соревнования, т.к. игра-соревнование позволяет преподавателю в зависимости от содержания материала вводить в игру не просто занимательный материал, но и отрабатывать весьма сложные вопросы учебной программы [3].

Ниже остановимся на основных положительных и отрицательных моментах дидактических игр, применяемых преподавателем на уроках русского языка как иностранного.

Среди положительных моментов, несомненно, можно обозначить следующие:

- иностранные учащиеся, как правило, испытывают радость от проведения игры, поскольку любая игра повышает уровень учебно-познавательной мотивации;

- уроки РКИ, где присутствуют дидактические игры или их элементы интенсифицируют процесс обучения в целом, поскольку они проходят на высоком эмоциональном уровне, на эмоциональном подъёме;

- в ходе игры иностранные учащиеся имитируют определённую деятельность, что, в свою очередь, способствует активному формированию коммуникативных умений и навыков и умению грамотно и в соответствии с ситуацией общения применять свои знания на практике;

- обсуждение ряда вопросов по завершении игры способствует лучшему закреплению знаний учащихся, поскольку эти знания «прожиты» ими в соответствующих коммуникативно-речевых ситуациях;

- как показывает образовательная практика, на всех уровнях подготовки и проведения игры происходит трансформация личностных качеств учащихся.

Из отрицательных моментов мы обозначим следующие:

- необходимость затрачивать большие усилия на подготовку и проведение дидактических игр, т.е. высокая трудоёмкость подготовки к уроку с элементами игры (для самого учителя);

- высокий уровень напряжённости преподавателя в ходе проведения дидактических игр, что связано с непрерывным творческим поиском, необходимостью быть и сценаристом, и режиссёром, и актёром [5].

Подводя итоги, отметим следующее. Ориентация на обозначенные выше особенности дидактической игры, учёт ряда её плюсов и минусов позволяет преподавателям, работающим с иностранными учащимися, получать достойные результаты при условии грамотно организованной подготовки. Во многом это объясняется тем, что всевозможные игровые ситуации, целенаправленно создаваемые преподавателем на уроках русского языка как иностранного, позволяют учащимся работать с опорой на принципы коллективизма, практической направленности, соревно-

вательности, занятости каждого учащегося, безграничной перспективы творческой деятельности в рамках игры. Кроме того, дидактические игры интенсифицируют, ускоряют процесс обучения русскому языку как иностранному за счёт развития у учащихся логического мышления, формирования ситуативно обусловленной речи, речевого этикета.

Итак, дидактическая игра – это не только один из наиболее значимых методов интенсификации образовательного процесса, но и важный способ активизации интеллектуально-творческого потенциала учащихся в целом. Внимание к личности учащихся, к развитию их коммуникативной компетенции во многом руководит преподавателем, когда он проектирует уроки с активным использованием дидактической игры.

Библиографический список:

1. Роботова А.С., Романенчук К.В. Виды практических занятий по педагогике: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 97 с.
2. Русский язык как иностранный: Методика обучения русскому языку: учебное пособие для высших учебных заведений / Под ред. И.П. Лысаковой. – М.: Гуманитарный изд. Центр ВЛАДОС, 2004. – 112 с.
3. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. Т.1. – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – 816 с.
4. Трайнёв В.А., Матросова Л.Н., Бузукина А.Б. Методы игрового обучения и интенсивные образовательные процессы: Теория, методология, практика / Под общ. ред. Трайнёва В.А. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2003. – 336 с.
5. Шукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам / Уч. пос. – М.: Филоматис, 2008. – 188 с.

УДК 657(075.8)

ББК 65.053я73

М.А. Козырев

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Финансовый анализ представляет собой способ накопления, трансформации и использования информации финансового характера, имеющий целью:

- оценить текущее и перспективное финансовое состояние предприятия;
- оценить возможные и целесообразные темпы развития предприятия с позиции финансового их обеспечения;
- выявить доступные источники средств и оценить возможность и целесообразность их мобилизации;
- спрогнозировать положение предприятия на рынке капиталов.

В основе финансового анализа, равно как и финансового менеджмента в целом, лежит анализ финансовой отчетности

Как отмечает М.В. Мельник, для России этот фрагмент финансового анализа имеет приоритетное значение в силу ряда обстоятельств, в частности, недостаточная развитость финансового рынка снижает значимость такого фрагмента, как анализ рисков.

Историческим аспектам возникновения систематизированного анализа финансовой отчетности (САФО) внимания уделяется сравнительно мало; это характерно для исследований как отечественных, так и западных специалистов в области истории бухгалтерского учета и анализа. Это тем более странно, ибо отчетность составляется именно для того, чтобы ее анализировать.

Несмотря на то, что оценка финансового состояния предприятия в том или ином виде проводилась менеджерами, вероятно, с незапамятных времен, обособление систематизированного анализа отчетности в отдельный раздел финансового анализа произошло сравнительно недавно – в конце XIX в. Именно в это время в западной учетно-аналитической практике в приложении к отчету железнодорожного транспорта появились первые расчеты некоторых относительных показателей, характеризующих ликвидность компаний и эффективность затрат.

В настоящее время западными специалистами (напр., J.O. Horrigan) выделяется пять относительно самостоятельных подходов в становлении и развитии САФО. Очевидно, что такое деление является достаточно условным – в той или иной степени эти подходы пересекаются и взаимодополняют друг друга.

Первый подход связан с деятельностью так называемой «школы эмпирических прагматиков» (Empirical Pragmatists School). Ее представители – профессиональные аналитики, которые, работая в области анализа кредитоспособности компаний, пытались обосновать набор относительных показателей, пригодных для такого анализа. Таким образом, их цель состояла в отборе таких индикаторов, которые могли бы помочь аналитику ответить на вопрос: «Сможет ли компания расплатиться по своим краткосрочным обязательствам?» Этот аспект анализа деятельности компании рассматривался ими как наиболее важный, именно поэтому все аналитические выкладки строились на использовании показателей, характеризующих оборотные средства, собственный оборотный капитал, краткосрочную кредиторскую задолженность.

Наиболее удачливые представители этой школы сумели убедить компании, специализирующиеся в оценке, анализе и управлении финансовыми ресурсами и кредитной политикой, в целесообразности такого подхода. В качестве примера можно привести разработки Роберта Фоулка (Robert Foulke), сделанные им в начале 50-х годов для крупнейшей в мире информационной компании «Дан энд Брэдстрит» (The Dun & Bradstreet Corporation). (Эта компания, основанная в 1841 г., имеет в своем банке данных сведения о 30 млн компаний мира; объем продаж составляет около 5 млрд долл. в год).

Как отмечает Н.Г. Шредер, основным вкладом представителей этой школы в разработку теории САФО, по мнению Пола Барнса (Paul Barnes), является то, что они впервые попытались показать многообразие аналитических коэффициентов, которые могут быть рассчитаны по данным бухгалтерской отчетности и являются полезными для принятия управленческих решений финансового характера.

Второй подход обусловлен деятельностью школы «статистического финансового анализа» (Ratio Statisticians School). Появление этой школы связывают с работой Александра Уолла (Alexander Wall), посвященной разработке критериев кредитоспособности и опубликованной в 1919 г. Основная идея представителей этой школы заключалась в том, что аналитические коэффициенты, рассчитанные по данным бухгалтерской отчетности, полезны лишь в том случае, если существуют критерии, с пороговыми значениями которых эти коэффициенты можно сравнивать. Разработку подобных нормативов для коэффициентов предполагалось делать в разрезе отраслей, подотраслей и групп однотипных компаний путем обработки распределений этих коэффициентов с помощью статистических методов. Обоснованное обособление однотипных компаний в страты, для каждой из которых могли бы быть разработаны индивидуальные аналитические нормативы, было одной из основных задач, обсуждаемых представителями школы. Начиная с 60-х годов, в рамках этого направления проводятся исследования, посвященные коллинеарности и устойчивости коэффициентов. В частности, исследования показали, что коэффициентам характерна временная и пространственная мультиколлинеарность, что обусловило появление новой актуальной задачи – классификации всей совокупности коэффициентов на группы: показатели одной и той же группы коррелируют между собой, но показатели разных групп относительно независимы.

Третий подход ассоциируется с деятельностью школы «мультивариантных аналитиков» (Multivariate Modellers School). Представители этой школы исходят из идеи построения концептуальных основ САФО, базирующихся на существовании несомненной связи частных коэффициентов, характеризующих финансовое состояние и эффективность текущей деятельности компании (например, валовой доход, оборачиваемость средств в активах, запасах, расчетах и др.), и обобщающих показателей финансово-хозяйственной деятельности (например, рентабельность авансированного капитала). Это направление связано с именами Джеймса Блисса (James Bliss), Артура Винакора (Arthur H. Winakor) и др., работавших над этой проблемой в 20-е годы. Основную задачу представители этой школы видели в построении пирамиды (системы) показателей. Определенное развитие это направление получило в 70-е годы в рамках построения компьютерных имитационных моделей взаимосвязи аналитических коэффициентов и рыночной цены акций.

Четвертый подход связан с появлением «школы аналитиков, занятых прогнозированием возможного банкротства компаний» (Distress Predictors School). В отличие от первого подхода представители этой школы делают в анализе упор на финансовую устойчивость компании

(стратегический аспект), предпочитая перспективный анализ ретроспективному. По их мнению, ценность бухгалтерской отчетности определяется исключительно ее способностью обеспечить предсказуемость возможного банкротства.

Первые попытки анализа деятельности фирм-банкротов были приняты в 30-е годы А. Винакором и Рэймондом Смитом (Raymond F. Smith); в наиболее законченном виде методика и техника прогнозирования банкротства представлены в работах Эдварда Альтмана (Edward Altman).

Наконец, пятый подход, представляющий собой самое новое по времени появления направление в рамках САФО, развивается с 60-х годов представителями школы «участников фондового рынка» (Capital Marketers School). Так, по мнению Джорджа Фостера (George Foster), ценность отчетности состоит в возможности ее использования для прогнозирования уровня эффективности инвестирования в те или иные ценные бумаги и степени связанного с ним риска. Ключевое отличие этого направления от вышеописанных состоит в его излишней теоретизированности; не случайно оно развивается главным образом учеными и пока еще не получило признания у практиков.

Что касается дальнейших перспектив развития САФО, то его связывают, прежде всего, с разработкой новых аналитических коэффициентов, а также с расширением информационной базы анализа.

Достаточно очевидно, что аналитические расчеты, в особенности перспективного характера, не могут быть выполнены по данным только бухгалтерской отчетности, аналитические возможности которой, безусловно, ограничены, поэтому целесообразно дополнить расчеты информацией, полученной в результате использования диагностического метода исследования.

Библиографический список:

1. Экономика предприятия и организации / Учеб.; под ред. И.Н. Шелгунова – М.: Юристъ, 2014. – 563 с.
2. Мельник М.В., Бердников В.В. Анализ и контроль в коммерческой организации. – М.: ЭКСМО, 2014. – 560 с.
3. Ковалев В.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 356 с.
4. Кондраков Н.П. Бухгалтерский учет, анализ хозяйственной деятельности и аудит. – М.: Перспектива, 2012. – 698 с.
5. Любушин Н.П., Лещева В. Б., Дьякова В.Г. Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. – М.: Юнити-Дана, 2014. – 456 с.
6. Пожидаева Т.А. Анализ финансовой отчетности. – М.: КноРус, 2014. – 320 с.
7. Донцова Л.В., Никифорова Н.А., Комплексный анализ бухгалтерской отчетности. – М.: Дело и Сервис, 2014. – 231 с.

СОДЕРЖАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ФИНАНСОВОГО АНАЛИЗА

Финансовый анализ является частью общего, полного анализа хозяйственной деятельности, который состоит из двух тесно взаимосвязанных разделов: финансового анализа и производственного управленческого анализа

Разделение анализа на финансовый и управленческий обусловлено сложившимся на практике разделением системы бухгалтерского учета в масштабе предприятия на финансовый учет и управленческий учет. Такое разделение анализа несколько условно, потому что внутренний анализ может рассматриваться как продолжение внешнего анализа и наоборот. В интересах дела оба вида анализа подпитывают друг друга информацией.

Финансовый анализ, основывающийся на данных только бухгалтерской отчетности, приобретает характер внешнего анализа, т.е. анализа, проводимого за пределами предприятия его заинтересованными контрагентами, собственниками или государственными органами. Этот анализ делается на основе только отчетных данных, которые содержат лишь весьма ограниченную часть информации о деятельности предприятия, не позволяет раскрыть всех секретов успеха фирмы.

Основное содержание внешнего финансового анализа, осуществляемого партнерами предприятия по данным публичной финансовой отчетности, составляют:

- анализ абсолютных показателей прибыли;
- анализ относительных показателей рентабельности;
- анализ финансового состояния, рыночной устойчивости, ликвидности баланса, платежеспособности предприятия;
- анализ эффективности использования заемного капитала;
- экономическая диагностика финансового состояния предприятия и рейтинговая оценка эмитентов.

В практике финансового анализа были выработаны основные методы анализа финансового состояния. Среди них можно выделить горизонтальный анализ, вертикальный анализ, трендовый анализ, факторный анализ, метод финансовых коэффициентов, сравнительный анализ.

Цель горизонтального анализа состоит в том, чтобы выявить абсолютные и относительные изменения величин различных статей фи-

нансовой отчетности за определенный период, дать оценку этим изменениям. Ценность горизонтального анализа существенно снижается в условиях инфляции, однако его результаты можно использовать при межхозяйственных сравнениях.

Большое значение для оценки финансового состояния имеет вертикальный (структурный) анализ актива и пассива баланса, который позволяет судить о финансовом отчете по относительным показателям, что в свою очередь дает возможность определить структуру актива и пассива баланса, долю отдельных статей отчетности в валюте баланса.

Цель вертикального анализа заключается в расчете удельного веса отдельных статей в итоге баланса и оценке их динамики с тем, чтобы иметь возможность выявлять и прогнозировать структурные изменения активов и источников их покрытия.

Горизонтальный и вертикальный анализ взаимно дополняют друг друга и на их основе строится сравнительный аналитический баланс. Сравнительный аналитический баланс лежит в основе анализа структуры имущества и источников его формирования.

Вариантом горизонтального анализа является трендовый анализ (анализ тенденций развития), при котором сопоставляются величины балансовых статей за ряд лет для выявления тенденций, доминирующих в динамике показателей. С помощью тренда формируются возможные значения показателей в будущем, а, следовательно, ведется перспективный, прогнозный анализ.

Для выявления причин изменений абсолютных и относительных финансовых показателей, а также степени влияния различных причин на величину изменения исследуемых показателей применяется факторный анализ.

Сравнительный анализ – это и внутривозможностное сравнение по отдельным показателям фирмы, подразделений, цехов, и межхозяйственное сравнение показателей данной фирмы с показателями конкурентов, со среднеотраслевыми и средними общеэкономическими данными.

Коэффициентный анализ сводится к изучению уровня и динамики относительных показателей финансового состояния, рассчитываемых как отношение различных величин балансовых статей или других абсолютных показателей, получаемых на основе отчетности или данных бухгалтерского учета.

Коэффициенты представляют большой интерес, поскольку, во-первых, позволяют определить тот курс сведений, который важен для пользователей финансовой отчетности с точки зрения принятия решений; во-вторых, предоставляют возможность глубже оценить положение дан-

ной отчетной единицы в системе хозяйствования и тенденции его изменения.

Большим преимуществом коэффициентов является также и то, что они сглаживают негативное влияние инфляционных процессов, которые могут существенно исказить абсолютные показатели финансовой отчетности и тем самым затруднять их сопоставление в динамике.

По признаку однородности коэффициенты образуют несколько групп, возможная совокупность которых приводится на рисунке 1.

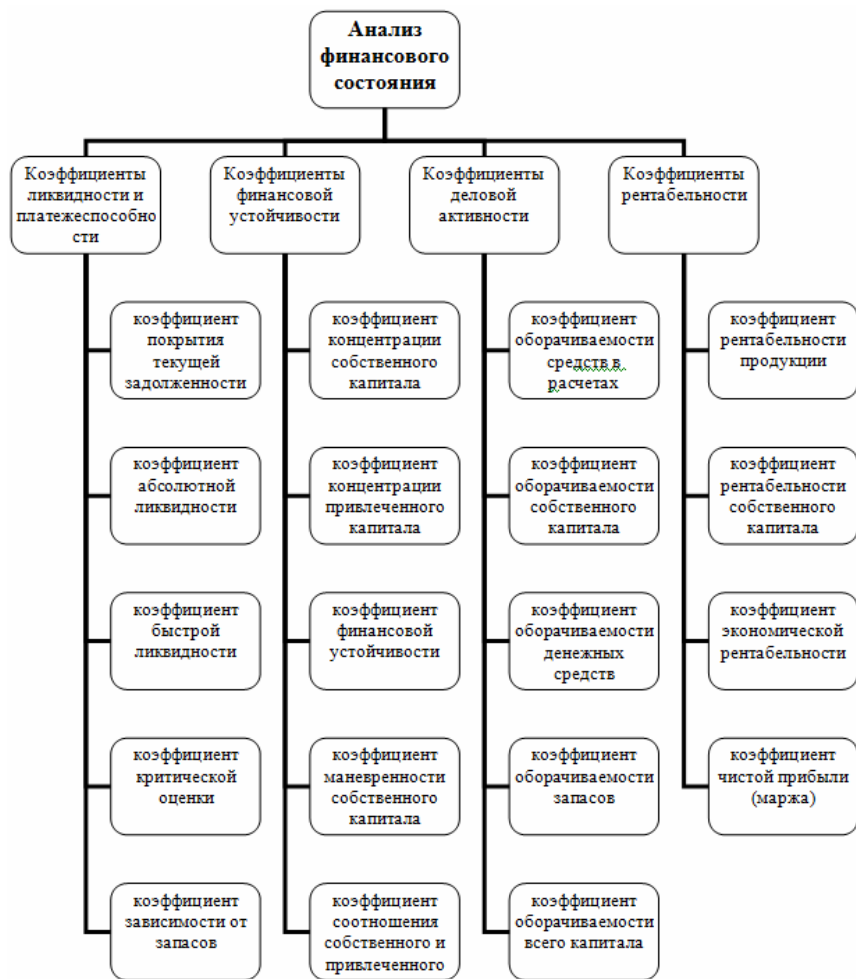

Рис. 1. Система коэффициентов для анализа финансового состояния предприятия

Этот метод наиболее удобен в силу его простоты и оперативности. Его суть заключается в сопоставлении рассчитанных по данным отчетности коэффициентов с общепринятыми стандартными коэффициентами, среднеотраслевыми нормами или соответствующими коэффициентами, исчисленными по данным деятельности предприятия за предшествующие годы.

Как правило, кредиторы при оценке кредитного рейтинга предприятия руководствуется своими критериями, не совпадающими иногда с критериями оценки предприятием собственной кредитоспособности. В ряде случаев, несмотря на высокую финансовую устойчивость предприятия, кредиторы могут руководствоваться и иными критериями, которые формируют негативный его имидж, а соответственно снижают и его кредитный рейтинг. Это оказывает соответствующее отрицательное влияние на возможность привлечения предприятием заемного капитала, снижает его финансовую гибкость, т.е. возможность оперативно формировать капитал за счет внешних источников.

Расчет значений коэффициентов за ряд периодов деятельности позволяет дать в динамике оценку лишь различных сторон финансового состояния фирмы, но не дает возможности объединить ее различные характеристики. Это обстоятельство привело к созданию ряда методик сводной количественной оценки финансового состояния.

Одна из них – рейтинговая экспресс-оценка. В ее основу положены следующие принципы:

- финансовые коэффициенты должны быть информативны, непротиворечивы и давать целостную характеристику;
- финансовые коэффициенты должны иметь одинаковую направленность (их рост должен означать улучшение финансового состояния);
- финансовые коэффициенты должны иметь числовые нормативы минимально удовлетворительного уровня или диапазона;
- финансовые коэффициенты должны рассчитываться только по данным публичной бухгалтерской отчетности.

Для определения рейтинга предприятия используются пять коэффициентов.

1. Обеспеченность собственными средствами (K_1) – отношение разности капитала и резервов и внеоборотных активов к сумме оборотных активов и убытков. Норматив: $\geq 0,1$.

2. Ликвидность (текущая) (K_2) – отношение суммы оборотных активов и убытков к краткосрочным пассивам, уменьшенным на доходы будущих периодов, фонды потребления и резервы предстоящих расходов и платежей. Норматив: ≥ 2 .

3. Интенсивности оборота авансированного капитала (K_3) – отношение выручки от реализации товаров и услуг к валюте баланса. Норматив: $\geq 2,5$.

4. Менеджмент (эффективность управления предприятием) (K_4) – отношение прибыли от реализации к выручке от реализации товаров и услуг. Норматив: $\geq 0,45$.

5. Прибыльность (рентабельность) (K_5) – отношение прибыли от финансовой деятельности к капиталу и резервам. Норматив: ≥ 2 .

Значение рейтинга финансового состояния определяется по формуле:

$$K = 2 * K_1 + 0,1 * K_2 + 0,08 * K_3 + 0,45 * K_4 + K_5 \quad (1)$$

Нормативное значение рейтинга P – от 1 и выше, если значение показателя не превышает единицы, то это свидетельствует о наличии значительного риска банкротства.

Учет фактора риска в процессе управления капиталом предприятия сопровождается подготовкой практически всех управленческих решений. Концепция учета фактора риска состоит в объективной оценке его уровня с целью обеспечения формирования необходимого уровня доходности финансовых операций, связанных с использованием капитала, и разработки системы мероприятий, минимизирующих его негативные финансовые последствия для хозяйственной деятельности предприятия.

Проблема поиска путей укрепления финансового состояния организации и оптимизации управления ее финансовым и в целом совокупным конкурентоспособным потенциалом продолжает сохранять свою актуальность и в настоящее время. Причем решение этой проблемы носит как теоретический, так и практический характер, а сама проблемность обусловлена специфичностью современных экономических отношений и несовершенством методологического подхода к ее решению.

Обзор научных литературных источников показал, что по исследуемой проблеме отсутствует общепризнанная система показателей, характеризующая эффективность управления финансовым потенциалом организации с позиции конкурентоспособности. Все эти обстоятельства детерминируют необходимость разработки методологии, методики и организации анализа финансового потенциала предприятий с учетом их отраслевой специфики, современных методов проведения для объективной комплексной оценки и прогнозирования стабильного развития в сложившейся экономической обстановке.

В условиях рыночной экономики финансовая отчетность хозяйствующих субъектов является основным средством коммуникации и важнейшим элементом информационного обеспечения финансового анализа. Любое предприятие вынуждено искать такие управленческие

решения, которые бы обеспечили ему победу в конкурентной борьбе и необходимые финансовые результаты.

С этой целью оно изучает рыночную конъюнктуру, самостоятельно планирует свою деятельность, находит поставщиков и покупателей, устанавливает цены и т.д. При этом предприятие вступает в конкурентную борьбу не только за покупателей и рынки сбыта, но и за кредитные ресурсы коммерческих банков, а также за средства других потенциальных инвесторов.

Найти их можно на рынке капиталов путем предоставления объективной информации о своей финансово-хозяйственной деятельности, то есть в основном с помощью финансовой отчетности. Насколько привлекательны опубликованные финансовые результаты, показывающие текущее и перспективное финансовое состояние предприятия, настолько высока и вероятность получения дополнительных источников финансирования.

Финансовая отчетность – это совокупность форм отчетности, составленных на основе данных финансового учета с целью предоставления пользователям общей информации о финансовом положении и деятельности предприятия, а также изменениях в его финансовом положении за отчетный период в удобной и понятной форме для принятия этими пользователями определенных деловых решений.

Таблица 1 дает сжатую и наглядную картину того, какой интерес у наиболее важных групп пользователей вызывает тот или иной источник информации о деятельности предприятия, а также отражает значение финансовой отчетности.

Стороны, заинтересованные в информации о деятельности предприятия, можно условно разделить на две основные категории:

- внешние пользователи
- внутренние пользователи.

Следует отметить, что необходимость формирования бухгалтерской (финансовой) отчетности с учетом интересов ее пользователей была обоснована еще Лукой Пачоли в XV веке. Одним из его основных постулатов была ясность, под которой понималось, что бухгалтерский учет должен предоставлять пользователям ясную и понятную им информацию. Первоначально в качестве пользователей выступал только собственник, который при этом и выполнял бухгалтерские функции. Со временем, многое из различных аспектов этого постулата претерпело существенную эволюцию в связи с резким возрастанием числа пользователей, что привело к тому, что в настоящее время при формировании бухгалтерской (финансовой) отчетности учитываются интересы различных пользователей: собственников, администраторов, служащих, подотчетных лиц, дебиторов и кредиторов.

Пользователи финансовой отчетности

Пользователи	Интересы	Источники информации
Менеджеры предприятия	оценка эффективности производственной и финансовой деятельности; принятие управленческих и финансовых решений	внутренние отчеты предприятия; финансовая отчетность предприятия
Органы налогообложения	Налогообложение	финансовая отчетность; налоговая отчетность;
Акционеры	оценка адекватности дохода степени рискованности сделанных инвестиций; оценка перспектив выплаты дивидендов	финансовая отчетность
Кредиторы	Определение наличия ресурсов для погашения кредитов и выплаты процентов	финансовая отчетность; специальные справки
Поставщики	Определение наличия ресурсов для оплаты поставок	финансовая отчетность
Покупатели	Оценка того, насколько долго предприятие сможет продолжать свою деятельность	финансовая отчетность
Служащие	Оценка стабильности и рентабельности деятельности предприятия в целях определения перспективы своей занятости, получения финансовых и других льгот и выплат от предприятия	финансовая отчетность
Статистические органы	Статистические обобщения	статистическая отчетность; финансовая отчетность

Согласно Федеральному закону от 06.12.2011 г. №402-ФЗ «О бухгалтерском учете», в состав годовой отчетности входят:

- бухгалтерский баланс;
- отчет о финансовых результатах;

– пояснения к бухгалтерскому балансу и отчету о финансовых результатах.

В бухгалтерском балансе отражается состояние средств организации на определенную дату в двух разрезах:

- по составу (виду);
- по источникам формирования.

Бухгалтерский баланс позволяет определить ряд важнейших абсолютных и относительных показателей финансовой стабильности и эффективности работы компании с точки зрения отдачи вложенных в нее средств.

К их числу относятся:

- разница между текущими активами и текущими обязательствами, именуемая оборотным капиталом;
- частное от деления текущих активов на текущие обязательства – коэффициент оборотного капитала.

Соответственно, разница должна быть положительной, а коэффициент – больше 1, тогда ликвидность компании характеризуется как удовлетворительная.

Кроме того, на основании данных бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах рассчитывается ряд других важнейших коэффициентов:

- отношение прибыли к собственному капиталу – рентабельность капитала;
- отношение прибыли к суммарным активам – рентабельность активов.

Данные коэффициенты позволяют оценить эффективность вложенного собственниками капитала и сопоставить увеличение масштабов деятельности фирмы с ростом прибыльности.

Следует отметить, что для инвесторов и аналитиков отчет о финансовых результатах во многих отношениях – документ более важный, чем баланс предприятия, поскольку в нем содержится не застывшая, одномоментная, а динамическая информация о том, каких успехов достигло предприятие в течение года и за счет каких укрупненных факторов, каковы масштабы его деятельности. Отчет о финансовых результатах дает представление о тенденциях развития предприятия, его финансовых и производственных возможностях не только в прошлом и настоящем, но и в будущем.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное управление финансами предприятия невозможно без проведения комплексного углубленного анализа его финансового состояния. Финансовый анализ хозяйственной деятельности, дает возможность выбрать необходимую

стратегию и тактику развития предприятия и на их основе выявить резервы по улучшению финансового состояния предприятия.

В заключение следует отметить, что вышесказанное актуально только в том случае, когда бухгалтерская отчетность объективна и отражает реальное положение дел на предприятии. Если возникает сомнение в объективности бухгалтерской отчетности, то аналитик должен применить диагностический метод исследования, в частности, функциональную диагностику важнейших специализированных функций: маркетинга, производства, снабжения, персонал-менеджмента, функций – «управления-финансы», менеджмента и организации. Только применение диагностического метода исследования дает полную картину происходящих процессов и объективную оценку деятельности предприятия.

Библиографический список:

- [1] Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2012 г. № 402-ФЗ (ред. от 31.12.2014 г. № 367-ФЗ).
- [2] Абрютин М.С., Грачев А.В. Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. – М.: Инфра-М, 2014. – 337 с.
- [3] Баканов М.И., Шеремет А.Д. Теория экономического анализа. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 424 с.
- [4] Басовский Л.Е. Теория экономического анализа – М.: ИНФРА-М, 2012. – 298 с.
- [5] Вахрушина М.А. Бухгалтерский управленческий учет: Учебник для вузов. – М: «Омега-Л»; Высш. шк., 2014. – 576 с.
- [6] Ковалев В.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 356 с.
- [7] Любушин Н.П., Лещева В. Б., Дьякова В.Г. Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. – М.: Юнити-Дана, 2014. – 456 с.
- [8] Мельник М.В., Бердников В.В. Анализ и контроль в коммерческой организации. – М.: Издательство «ЭКСМО», 2014. – 560 с.
- [9] Шредер Н.Г. Анализ финансовой отчетности. – М.: «Альфа-Пресс», 2014. – 173 с.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭЛИТ КАК УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Являются ли революции нарушением естественного хода общественного развития? Общество довольно часто не справляется с задачей плавного, эволюционного развития, поэтому накапливающееся расхождение объективно необходимого и фактического уровней общественного устройства устраняется революционным путем.

Общественное развитие опирается на непрерывный процесс формирования новых технологических знаний – и в материальной сфере, и в области духовной, «надстроечной». Накопленный массив технологий требует адекватного общественного устройства. Примитивные технологии требуют много труда и обеспечивают малое количество добытых полезных продуктов. Усложнение способов взаимодействия с природой дает человеку большие результаты с меньшими затратами труда.

Если в древности для сложных общественно значимых задач, например, для выполнения ирригации, из механизмов были придуманы только кирка и носилки, то нужен общественный порядок, при котором тысячи и тысячи людей будут организованно выполнять простейшие операции, в итоге которых появится огромная сеть оросительных каналов, обеспечивающих выращивание пищи для всех. Согнать тысячи людей на такие работы можно только силой (для этого используются наработанные технологии насилия) с использованием религиозных и других лозунгов (здесь применяются соответствующие гуманитарные технологии, объясняющие рабам, почему именно на них возложена миссия махать киркой во имя общего блага, получая взамен лишь мизерное вознаграждение).

Когда же человек изобрел сложные механизмы, двигатели и создал, наконец, экскаваторы, то тогда для осуществления масштабных ирригационных проектов понадобится небольшое количество квалифицированных специалистов, а вместо надсмотрщиков – инженеры и управленцы. Для морального обеспечения процесса социальные технологии теперь предоставят объяснения, почему специалисты должны выполнять свою работу. Мотивы могут быть прагматическими (например, когда главное – заработок) или идейными (например: мы участвуем в «стройке коммунизма», главное – результат, а зарплата как-нибудь приложится).

Таким образом, можно констатировать, что комплекс технологий в материальной и духовной сфере, накопленный человеком в данный ис-

торический период, используется обществом для обеспечения собственного существования и развития.

В первобытные времена индивид выживал только в условиях коллективного существования — племя, род были первичны по отношению к отдельному человеку. Выжить мог социум, но не индивид. Затем, когда борьба с природой за выживание перестала быть трудно разрешимой проблемой, когда развитие и освоение многочисленных технологий обеспечило стабильное физическое выживание, появилась специализация деятельности (в том числе связанной с управлением), тогда стал необходим обмен продуктами и появились условия для возникновения частной собственности. И если первобытный человек поневоле существовал в условиях справедливости «для всех», то новые технологические условия позволили существовать сторонникам «счастья для себя».

Естественно, количество частной собственности не могло автоматически распределяться равным образом между всеми членами социума, возникшая разница обеспечила расслоение общества. Со временем институт собственности трансформировался, развивался, с появлением денег появился капитал. Согласно закону концентрации капитала, стало происходить укрупнение отдельных состояний. Принцип монополизации работает в любой сфере. Это справедливо и для финансового капитала, и для власти. Стремление капитала к самоумножению, основанное на природной черте его хозяина — алчности, заставляет его завладеть властью в обществе. Поэтому, если в обществе отсутствуют механизмы, препятствующие разрастанию олигархического влияния на власть, это влияние будет предельно монополизировано, и тогда рядовым членам общества будут доставаться минимально возможные блага, а подавляющая часть этих благ (конечно, их стоимостной эквивалент — в виде предметов роскоши, единицы которых заменяют сотни и даже тысячи функционально тождественных, но на порядки более дешевых массовых, тиражных предметов потребления) будет присваиваться богатыми и особенно — сверхбогатыми.

Пока пропорция такого распределения не превысит определенного порога, общество может существовать без глубоких потрясений. Раньше судить об этом правители могли интуитивно, опираясь на свои таланты и способности своих советников. Сегодня это позволяют научные методы — социологические опросы, статистические исследования и др. Если величина разрыва превышает допустимый порог, противоречия между социальными группами/классами в обществе усиливаются, и может произойти социальный взрыв, направленный на попытку исправить накопившийся дисбаланс, — **революция**.

Революционный «скачок» как феномен общественного преобразования возможен только на определенном историческом отрезке — ко-

да в организации общества присутствуют следующие факторы: частная собственность; личное лидерство; дифференциация общества на классы; относительно невысокий уровень личного альтруизма; широко распространено мнение, что политических и социальных целей можно достичь силой, и что сделанные достижения можно сохранить таким же способом.

Последнее относится и к сторонникам построения режима «счастья для избранных» (т.е., «для себя» — буржуазные революции), и для тех, кто стремится к справедливости для всех (социалистические революции).

Методологически эти две противостоящие идеологии — частнособственническая и коллективного равенства — ничем принципиально не отличаются друг от друга, только мерой распределения благ среди членов общества. Способ же достижения результата один: принуждение, сила. В первом случае блага в больших количествах достаются немногим, остальным — в разы меньше. При втором варианте, сторонники которого полагают, что решение проблемы в справедливости распределения, блага будут доступны всем равномерно, без больших различий.

Заметим, что объем благ одинаков в обоих случаях, однако уровень справедливости при распределении различается существенно. Роднит оба подхода именно сам принцип обладания благами, т.е. собственность. Причем в данном контексте не имеет значения, это частная или общенародная собственность, поскольку в любом случае для отдельных членов общества имеет место ее отчуждение.

Пока есть собственность (и частная, и обобществленная), она может делать человека (не всякого, но многих) ненасытно алчным. Поэтому, в пределе, в обществе в результате стремления к концентрации собственности возникает и укрепляется олигархический принцип управления — и при капитализме, и (как видели современники советского проекта в СССР) при социализме.

В обоих случаях и учреждение нового порядка, и поддержание его стабильного состояния возможно только с опорой на силу, на принуждение, которое организуется в форме государства. Можно определить исторический предел, когда революции возможны и необходимы. Принципиально отойти от парадигмы периодического революционного преобразования общества будет можно только тогда, когда главный принцип — наличие собственности (и частной, и общественной) — перестанет быть основополагающим.

Пока членами общества признается собственность, поддержание социального порядка возможно только с использованием силы. Она нужна «избранным», чтобы охранять несметные богатства от обездоленных. Но и в другом случае — когда существует общая (общественная)

собственность — сила нужна, чтобы охранить ее и не позволить немногим (внутренне алчным) осуществить ее постепенный захват (или захват контроля над ней) по частям и дальнейшую концентрацию.

Вот уже сто лет Россия живет под флагом демократии. Эту эру в нашей истории открыла Февральская революция, но очень быстро эстафету приняла советская форма народовластия. Она просуществовала до 1991 г. Теперь мы считаем, что по-прежнему живем в стране с демократическим правлением.

Предшествовавший тысячелетний период государства российской — самодержавия, царской, княжеской власти — с точки зрения построения управления можно характеризовать как систему, содержащую **предельно слабые обратные связи**, не учитывающую сигналы снизу. Основой власти была собственность. Чем знатнее, тем богаче. Правившая верхушка общества, его элита, далеко не в первую очередь учитывала чаяния народных масс, формируя свою внутреннюю и внешнюю политику. Первейшим императивом в деятельности тогдашних правителей было, разумеется, укрепление мощи «своего» государства (империи, княжества, царства); также важными были личностные мотивы — алчность, месть, зависть и многое другое — но никак не консолидированное мнение руководимых народных масс. Названные мотивы опирались на главный институт общественного устройства — собственность. И главным собственником — всего, в общем-то, — был правитель и его окружение. Эту часть общества принято называть элитой.

Реализация такого способа общественной жизни исторически сложилась на базе разделения общества: на элиту во главе и остальную основную массу. Это старая, освоенная технология управления. И смена способа распределения не может оказывать кардинально другое влияние на качество новой элиты, которое будет повторением качества старой. В Российской империи власть полагалась данной от Бога, а в демократической России — от народа. Но в обоих случаях власть осуществляет не сам император и не сам народ, де факто полномочия делегируются элите.

В дореволюционной России, фактически, не требовалось «запрашивать» мнение по тому или иному судьбоносному вопросу мнение простых людей. И тотальное игнорирование народной воли вело к периодически рассогласованию между сложившимися к данному моменту социальными и политическими порядками и той картиной мира, которая более устроила бы народные массы. Это, следовательно, вело к нарастанию недовольства, волнениям и, как мы знаем, — к бунтам и революциям.

Такой ход дела через тысячу лет с лишним с начала нашей писаной истории привел к 1917 году. В результате Февраля была провозглашена республика, т.е. вроде бы должен был начаться период, когда народное

мнение станет определяющим в государстве. Увы, так не произошло: война, земельный вопрос, снабжение, призыв, межнациональное устройство и многое другое практически осталось в ведении прежней элиты, у которой не было навыка оглядываться на ведомое народное большинство. **У элиты, сохранившей собственность и, фактически, власть,** по-прежнему не было желания соотносить свои государственные планы с народом. Видимо, поэтому очень быстро, за полгода власть в лице прежней элиты перестала признаваться большинством, и большевики как наиболее активные и творчески настроенные политики, сумели взять эту самую власть.

Мы знаем, это для них было большой неожиданностью. И, разумеется, большевистские органы управления не были достаточно подготовлены, чтобы сразу максимально полно реализовывать власть народа. Так быстро технологии управления такого масштаба родиться не могут. Решения же принимать надо ежеминутно, сейчас. Поэтому создававшиеся органы и принципы государственного управления либо копировались, либо видоизменялись те, что имелись до тех пор.

То есть, технологии управления еще предстояло изобрести, но пока приходилось работать старыми методами с поправкой на политические изменения.

Сегодня, согласно Конституции, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (Статья 3). Однако возникает законный вопрос: насколько возможна реализация такого принципа в каждом конкретном историческом условиях? И какие трансформации власти происходили за минувшие сто лет, как они повлияли на положение дел в этом вопросе? Можно сказать, что очень мало значимые с точки зрения истинной природы власти — ее опоре на собственность. Если до 1917 года император делегировал власть своему элитному окружению, то в последующий период власть сначала была представлена «диктатурой пролетариата», затем вроде бы уже всем советским народом делегирована своим избранникам — всенародным старостам, депутатам народных советов, по партийной линии — секретарям партийных организаций. Но все эти варианты характеризуются одним важным признаком: власть оказывается в руках формирующейся и самовоспроизводящейся группой управленцев и лидеров во всех отраслях жизни (это политика, военное дело, искусство, религия и пр.), т.е. в руках элиты. И тогда уже осуществляется технология управления, основанная на принципе выделения элиты из общей массы народа. А этот процесс имеет и негативные свойства. Самым важным в данном контексте является **неподотчетность элит** (начиная с некоторого уровня иерархии) перед законом и обществом.

Для иллюстрации можно привести три примера, показывающие, как трудно элите в совершенно разные политические времена отказаться от устоявшихся и неадекватных принципов, касающихся отношений с обществом.

Первый пример характеризует, какое снисходительное отношение было у российской элиты в отношении проступков своих представителей. Убийство Григория Распутина в декабре 1916 г. было совершено представителями тогдашней русской элиты, в том числе и из царствующего дома. Участвовали в преступлении великий князь Дмитрий Павлович и князь Феликс Юсупов, зять великого князя Александра Михайловича. Какое наказание понесли убийцы? Цитата из книги тестя убийцы: «Дмитрия Павловича сослали на Персидский фронт в распоряжение генерала Баратова, Феликсу же было предписано выехать в его уютное имение в Курской губернии» [1]. Ответственность «своих» – нулевая.

Второй пример. Настала революционная пора. Власть принадлежит народу! А как это реализовать? И вот, опять, как встарь, формируется корпус «лучших людей» (как говорили в Великом Новгороде еще лет 500–600 назад), который, собственно, должен быть (или стать) элитой – в широком смысле, т.е. управленческой, научной, военной, религиозной, в искусстве, в образовании и т.п. Формируется этот набор людей поневоле очень спешно, и, следовательно, совсем не тщательно. Поэтому среди лидеров оказываются и Павки Корчагины, и Остапы Бендеры. И сдержаться новая элита не может.

Постановлением ВЦИК от 17 декабря 1919 г. «был установлен особый порядок ареста и привлечения к судебной ответственности высших должностных лиц. Остальные должностные лица, в том числе и члены губернских и уездных исполкомов, в случае совершения ими уголовно наказуемого преступления, привлекались к судебной ответственности в обычном порядке, установленного для всех граждан» [4]. Речь идет о «смягчении “репрессивности” в отношении “партийных преступников”, создания системы “увода” чиновников из-под действия закона. Эта система включала в себя особые, внеправовые правила в отношении коммунистов, привлекаемых к уголовной ответственности. Правила четко определяли линию поведения судов, прокуратуры в отношении членов партии, совершивших преступление. <...> Соблюдая определенную бюрократическую процедуру, можно было уйти от наказания. Во всех этих партийных директивах было безусловным и объединяющим их одно обстоятельство – в них игнорировался один из основополагающих принципов правосудия – осуществление правосудия только судом. Только суд может признать обвиняемого виновным или невиновным. В данном же случае уже парткомы могли предрешать вопрос о виновности или невиновности» [4].

Еще один кардинальный слом системы ответственности представителей правящей советской элиты произошел в 1960 г., когда Председатель Совета Министров СССР Н.С.Хрущев подписал постановление Совета Министров СССР № 48: «Совет Министров СССР постановляет: признать целесообразным упразднить Министерство внутренних дел СССР, передав его функции министерствам внутренних дел союзных республик» [5]. В результате упразднения МВД СССР его органы были переподчинены местным органам власти, они становились отделами Советов соответствующего уровня. На уровне республик Министерства сохранились, и «получили названия Министерства Охраны Общественного Порядка – МООП. В области появились Управления охраны общественного порядка такого-то облисполкома, т.е., являлось одним из отделов облисполкома. Такое же произошло и на уровне городов и районов – вместо отделов МВД появились отделы ООП горисполкомов и райисполкомов. <...> в органы КГБ и МООП были направлены инструкции, в соответствии с которыми нельзя было проводить оперативно-следственные мероприятия в отношении руководителей и работников партийно-советских органов, а полученные в отношении них материалы не подлежали реализации и должны были уничтожаться. <...> Таким образом, этими своими действиями Хрущев вывел партгосноменклатуру из под контроля закона, и создал условия для ее безнаказанности» [2].

Удивительное совпадение – глядя на данный проект Хрущева, мы обнаружим п. 5 «Декларации Временного правительства о его составе и задачах» от 3-го марта 1917 года: «5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления» [3]. Это указывает на какие-то глубинные основания в понимании элитами своего места в социуме и ответственности перед ним.

Не желая отчитываться перед народом в малом – в личных проступках, элита закономерно давала себе карт-бланш на принятие любых управленческих решений без ответственности, даже если качество таких решений требует тщательного обеспечения.

Обо всех названных исторических примерах следует сказать, что негативное свойство неподотчетности элиты народу приводило к драматическим и даже к трагическим последствиям.

Пример с венценосными душегубами красноречив: как могло обойтись без революции, если верхи общества позволяют себе абсолютно все, даже великий грех, – и прощают себе это. Ответ пришлось держать во время и после Великого Октября.

Хрущевский проект был прерван все-таки более или менее без больших явных потерь, отставкой, хотя опробованная тогдашней советской элитой безответственность, базирующаяся на неподотчетности, стала

для нее подсознательным стимулом превращения социалистического государства в совсем иное, в котором *держателям* власти стало бы *принадлежать* то, что только подчинялось, и это обеспечивало бы еще большую надежность безответственности перед массами.

Послереволюционная технология ухода от ответственности была жестко и даже жестоко пресекаема в период, когда во главе государства находился И.В. Сталин, стремившийся «обуздать» элиты. Это позволило тогда, во-первых, почувствовать народу себя действительным хозяином в своей стране, во-вторых, именно поэтому советский народ смог сверхинтенсивно и сверхоперативно подготовиться в отпору гитлеровской агрессии, в-третьих, Советский Союз смог справиться с этой агрессией (в которой участвовали далеко не только германские силы). И в четвертых, послевоенное восстановление страны также было обеспечено отсутствием у тогдашней советской элиты «свободы» от ответственности.

Итак, мы видим, что в три совершенно различные момента нашей истории, и даже несмотря на великие завоевания в результате Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма в нашей огромной стране глубинные черты, присущие элите многие века, остаются у нее и поныне.

Библиографический список:

[1] Вел. Кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний // «Иллюстрированная Россия», 1933 (Прил.). URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/17.html>

[2] Главное действие Хрущева, приведшее к распаду СССР. URL: http://militariorg.ucoz.ru/publ/istorija_strany/glavnoe_dejstvie_khrushheva_privedshee_k_raspadu_rossii/19-1-0-62451

[3] Декларации Временного правительства о его составе и задачах от 3-го марта 1917 года // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5201/>

[4] Никулин В.В. Партийно-государственная номенклатура и закон в советской России: двойная ответственность или особые правовые условия (1920-е годы) // Электронные журналы издательства NOTABENE. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_750.html

[5] Об упразднении министерства внутренних дел СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1960 г. // Ведомости Верховного Совета СССР 1960 г. № 3.

УДК 94(47).084.8 + 94(480)

ББК 63.3(2)622

И.В. Пыхалов

ШТУРМ ЛЕНИНГРАДА ФИНСКИМИ ВОЙСКАМИ ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА

Отход на старую границу

К концу августа 1941 года немецким войскам удалось вплотную приблизиться к Ленинграду, выйти к юго-востоку от него к берегу Невы, перерезав все железнодорожные магистрали, связывавшие город со страной. Командование группы армий «Север» ждало решительных действий и от своих финских союзников.

К 1 сентября 1941 года финские войска сумели выйти на Карельском перешейке к линии старой государственной границы почти на всём её протяжении [1, с. 99–100].

Оборону Ленинграда со стороны Карельского перешейка осуществляли войска 23-й армии. Измотанные непрерывными боями части армии к этому времени нуждались в отдыхе, пополнении людьми, матчастью и боеприпасами. Три стрелковых дивизии из её состава (43-я, 115-я, 123-я), оборонявшие Выборг, только что вышли из окружения. «Из окружения выходили неорганизованно, отдельными группами, уничтожив на месте всю материальную часть» [2, л. 109]. В результате боевой состав 123-й стрелковой дивизии на 1 сентября 1941 года насчитывал всего лишь 1685 человек (в указанное количество не вошли тыловые подразделения) [3, л. 53].

Приказ командования Ленинградского фронта об отводе частей и соединений 23-й армии за реку Сестру на рубеж старой государственной

границы, был отдан с явным запозданием. В ночь на 1 сентября армия приступила к перегруппировке своих сил и развёртыванию их для обороны в передовой полосе Карельского укрепленного района [3, л. 51].

Сегодня весьма популярен миф, будто маршал Маннергейм запретил наступать дальше старой советско-финской границы и тем самым спас Ленинград от уничтожения. Это не соответствует действительности. Уже накануне выхода финских войск к реке Сестре Маннергейм отдал приказ о её немедленном форсировании и продолжении наступления. «Старая государственная граница на перешейке достигнута... — говорилось в нём, — нам надо вести борьбу до конца, установив границы, обеспечивающие мир». В соответствии с этим части и соединения финской армии уже 1 сентября стали пытаться прорвать оборону советских войск. Более того, финским частям удалось в ряде мест пересечь старую государственную границу и продвинуться к Ленинграду [1, с. 102].

Как отмечено в подготовленном Оперативным отделом штаба Ленинградского фронта «Описании боевых действий 23-й армии с 22 июня по 31 декабря 1941 г.», 1 и 2 сентября «противник предпринял ряд разведвылазок с целью обнаружения наших стыков и слабых мест в обороне» [2, л. 112]:

«На участке 198-й с[трелковой] д[ивизии] пр[отивни]к силою около двух полков с артиллерией и танками после двухчасовой артподготовки предпринял наступление в общем направлении на Вихтаниemi, отм[етку] 113,2, выс[оту] 75,3 и Нов[ое] Алакуля (видимо, с целью прорвать здесь оборону и выйти в дальнейшем в тыл нашим частям, обороняющимся в центре и на правом фланге госграницы).

Уже к исходу 1.9.41 г. наши части, измотанные в прежних боях, не выдержали натиски пр[отивни]ка и ему удалось овладеть Нов[ым] Алакуля и Майнила» [2, л. 113].

Захват Белоострова и контрудар 5 сентября

3 сентября противник возобновил своё наступление силою около пехотной дивизии против входивших в состав 198-й моторизованной дивизии¹ 708-го и 450-го стрелковых полков в направлении Охта, Камешки, Заболотье, станция Белоостров и, не встречая сильного сопротивления наших частей, к исходу дня овладел Термолово, Зарощей, а также станцией Белоостров.

Резервы 198-й дивизии несколько приостановили продвижение финских войск, но к утру 4 сентября под сильным давлением противника отошли, и ему удалось овладеть затем Александровкой, Старым Белоостровом и к 12:00 Камешками.

¹ 17 сентября 1941 года переформирована в стрелковую дивизию.

Таким образом, противник вклинился в полосу прикрытия 23-й армии и создал своим наступлением непосредственную угрозу прорыва основного укрепленного района на этом участке фронта [2, л. 113].

В этих условиях командование 23-й армии решило нанести контрудар. Отданный 4 сентября в 13:15 боевой приказ № 036/оп предписывал: «4. Командиру 198 мсд уничтожить противника, проникшего за госграницу, и к утру 5.9.41 г. полностью восстановить положение» [3, л. 51].

Наступление началось 5 сентября в 8:00, контрудар выполнялся силами входивших в 198-ю дивизию 450-го и 708-го стрелковых и 146-го танкового полков.

450-й стрелковый полк успеха не имел, противник силою до взвода дважды атаковал его командный пункт, лишая батальоны управления [3, л. 83, 102].

Особенно тяжёлый бой происходил в районе села Александровка. Как было сказано в датированном 6 сентября докладе начальника отдела боевой подготовки 23-й армии майора А.И. Семёнова:

«Заняв там два каменных здания казарм бойцами с автоматическим оружием, противник не даёт возможности успешно атаковать нашим подразделениям, держа их под сильным огнём. Попытки разбить казармы прямой наводкой 76-мм орудий не дали результата, ввиду недостаточности калибра орудий (снаряды не пробивают стены)» [3, л. 98].

1-й батальон 146-го танкового полка занял деревню Камешки и дальше успеха не имел.

Что касается 708-го стрелкового полка, то командовавший им майор Тузов наступление начал с опозданием, вначале ожидая наступления соседа слева, затем, после приказа командира дивизии наступать без соседа, стал ожидать танки. Танки прибыли с большим опозданием и командир дивизии вторично приказал наступать без танков. Начавшееся наступление успеха не имело, так как противник вёл сильный артиллерийский и миномётный огонь. Кроме того, командир полка действовал не энергично и отсутствовало должное управление, так как не было связи между КП полка и батальонами из-за отсутствия кабеля.

Тем не менее, к исходу 5 сентября полк овладел церковью Старого Белоострова и занял рубеж по восточной окраине. Артиллерия работала не совсем чётко и хорошо, так как отсутствовала регулярная связь между командиром батальона и командиром артиллерийского дивизиона из-за отсутствия кабеля [3, л. 102–103].

К этому времени части 123-й стрелковой дивизии приводили себя в порядок в своём районе сосредоточения, а части 142-й стрелковой дивизии под прикрытием сторожевых рот на линии старой госграницы отходили на основной рубеж обороны [2, л. 114].

Дальнейшие действия финских войск

6 сентября противник снова начал наступление силою до четырёх батальонов, но был остановлен 450-м и 708-м стрелковыми полками, понеся при этом потери. 7 сентября финские войска возобновили наступление, потеснил правый фланг 450-го стрелкового полка, но были остановлены. В тот же день противник, видимо, подтянув резервы, предпринял наступление на правом фланге обороны, на участке 43-й стрелковой дивизии, и к исходу 8 сентября овладел высотой 112,8. 8 сентября на участке 265-й стрелковой дивизии противник силою от полутора до двух батальонов прорвал оборону приданных дивизии погранчастей. 9 сентября наши части предприняли ряд контратак с целью возврата высоты 112,8, однако все они не увенчались успехом [2, л. 114].

В результате этих боёв противник вклинился на ряде направлений в глубину оборонительной полосы 23-й армии. Исправлять эту ситуацию пришлось уже новому командующему армией — генерал-майору А.И. Черепанову, сменившему в эти дни генерал-лейтенанта М.Н. Герасимова¹.

Особое беспокойство советского командования вызывала ситуация вокруг Белоострова. Как пишет А.И. Черепанов в своих мемуарах:

«Исключение составлял лишь район Нового Белоострова, где враг форсировал реку Сестра и после нескольких дней упорных боёв, которые стоили ему немалых жертв, овладел им.

Как только это произошло, мне позвонил А.А. Жданов.

— Товарищ Черепанов, — услышал я его усталый, но твёрдый голос, — ленинградцы болезненно переживают потерю Белоострова. Постарайтесь вернуть его.

Судьба Белоострова не давала нам покоя. С захватом его финны, как правильно заметил майор Семёнов в своём донесении, создавали угрозу флангу и тылу нашего оборонительного рубежа. Этот важный пункт и узел дорог становился объектом острого противоборства. Здесь происходила проба сил, проверялась воля и решимость как одной, так и другой стороны.

Звонок А.А. Жданова лишний раз подчеркнул важность Белоострова и крайнюю необходимость отбить его» [6, с. 231].

Контрудар 13 сентября

13 сентября в 7:00 после артподготовки подразделения 43-й стрелковой дивизии (3-й батальон 65-го стрелкового полка, 25-й отдельный разведывательный батальон совместно с 6-й и 8-й стрелковыми ротами

¹ Судя по подписям на документах, фактически А.И. Черепанов вступил в командование 23-й армией 6 сентября. См., например [3, л. 113–114].

147-го стрелкового полка) перешли в наступление, имея задачей овладеть деревней Троицкое и высотой 112,8, однако встреченные организованным огнём противника, были отброшены на исходное положение.

Вторичные попытки 43-й стрелковой дивизии наступать 14 и 15 сентября также оказались безуспешны [2, л. 115; 3, л. 178–179].

В 6:00 того же дня 291-я стрелковая дивизия силами отдельного батальона моряков и отдельной мотострелковой роты начала наступление на Белоостров. К 10:00 подразделения дивизии заняли восточную окраину Белоострова и к 22:00 вели бой за овладение его северо-западной окраиной. Бои продолжались 13, 14, 15 сентября, обе стороны несли большие потери [2, л. 115].

Как пишет в своих мемуарах А.И. Черепанов: «После 30-минутной артиллерийской подготовки батальон морских пехотинцев под командованием полковника Голубятникова и стрелковая рота 291-й стрелковой дивизии атаковали противника и вскоре прорвались в район железнодорожной станции. Но противник контратаковал раз, другой и третий и восстановил прежнее положение» [6, с. 231].

В результате наши части не сумели отбросить противника, поставленные задачи не были полностью выполнены. Потери 291-й дивизии за 13 и 14 сентября составили 141 человек убитыми, 343 ранеными и контуженными, 10 пропавшими без вести. Львиная доля потерь пришлась на батальон морской пехоты — 98 убитых, 218 раненых, 6 пропавших без вести. Кроме того, трое моряков были расстреляны по приговору трибунала [3, л. 251].

В приказе войскам 23-й армии № 054 от 24.09.1941 г. было отмечено: «Батальон морской пехоты во время артподготовки не воспользовался, не подошёл к противнику на самое близкое расстояние, позволяющее разрывами наших снарядов, чтобы при переносе огня не дать опомниться противнику — сделать бросок и захватить его позиции.

Вместо этого он медленно продвигался, упустил момент самого броска, особенно на правом фланге и дал возможность противнику оправиться и организовать встречу» [3, л. 266].

Контрудар 20 сентября

Новый контрудар советских войск был нанесён неделю спустя. 19 сентября в 12:45 командование 23-й армии отдало боевой приказ № 050/оп следующего содержания:

«1. Противник перед фронтом армии стремится оттеснить передовые части и вплотную подойти к железобетонному поясу укрепрайона, одновременно подтягивая силы для его атаки.

2. 23 армия, главными силами прочно обороняя железобетонный пояс, имеет задачей специально выделенными частями и подразделениями решительными, хорошо подготовленными короткими ударами отбросить противника от переднего края, захватить отдельные тактически важные объекты и вскрыть его группировку.

3. 142 с[трелковая] д[ивизия] – передовыми батальонами при поддержке артиллерии и миномётов энергично атаковать передовые части противника, сосредоточив главные усилия в общем направлении на Симола, и отбросить его от переднего края предполья на участке Туомела, Бол. Луми-Суо, захватить пленных, определить группировку и состав сил противника перед фронтом дивизии.

4. 43 с[трелковая] д[ивизия] – силами двух батальонов при поддержке двух дивизионов артиллерии и миномётов, овладеть выс[отой] 112,8 и в дальнейшем выйти на южный берег р. Вииси-Йоки, где и закрепиться.

Определить группировку и состав сил противника перед фронтом дивизии.

5. 123 с[трелковая] д[ивизия] – силами не менее батальона отбросить передовые части противника от переднего края УР на Охтенском направлении и овладеть выс[отой] 136,7, вскрыв группировку противника перед левым флангом дивизии.

6. Командиру 291 с[трелковой] д[ивизии] полковнику Буховец: 181 с[трелковым] п[олком], 5 п[ограничным] о[трядом], сводным батальоном 265 с[трелковой] д[ивизии], танковой группой, тремя отрядами партизан и частью сил 291 с[трелковой] д[ивизии] уничтожить группировку противника в районе Белоостров, овладеть Белоостровом и прочно закрепиться на восточном берегу р. Сестра на участке сев. окраина Белоостров, Пильн.

7. ВВС армии поддержать наступление на участках дивизий. Главные усилия направить поддержке наступления на Белоостровском участке.

8. Начальнику артиллерии армии поддержать наступление на участках дивизий мощным артиллерийско-миномётным огнём.

Для поддержки наступления на Белоостровском участке привлечь фортовую и судовую артиллерию.

9. Командирам 142, 43, 123 и 291 с[трелковых] д[ивизий] – одновременно резко активизировать разведку на всём фронте, особенно боевую, вести её бесперывно. Дерзко, но организованно, врывать в расположение противника, добывая сведения боем; делать засады, ведя дневные и особенно ночные поиски, захватывая пленных.

Организовать систему наблюдения по всему фронту» [3, л. 222–223].

Однако противник упредил наши войска, контратаковав 19 сентября при поддержке двух артдивизионов и миномётов подразделения 43-й стрелковой дивизии и потеснив их к югу. В ночь на 20 сентября противник продолжал свой натиск.

Тем не менее, 142-я стрелковая дивизия силами двух батальонов в 9:00 20 сентября перешла в наступление на участке Туомела, болото Луми-Суо. Противник оказывал упорное сопротивление.

Подразделения 291-й дивизии с 25 танками 48-го отдельного танкового батальона в 6:00 20 сентября после артподготовки перешли в наступление и к 13:00 достигли восточной окраины села Александровка, северо-запада и центра Белоострова.

К 17.00 был занят весь Белоостров (за исключением передового ДОТа Карельского укрепрайона, захваченного финнами без боя 4 сентября).

Дальнейшее продвижение 291-й стрелковой дивизии было приостановлено. Части армии закреплялись на достигнутых рубежах [2, л. 115–116].

В результате этих операций обе стороны понесли большие потери. Наши части захватили трофеи.

291-я стрелковая дивизия потеряла 53 человека убитыми, 540 ранеными, 22 человека пропало без вести. 5-й погранотряд потерял 87 человек убитыми и 173 ранеными.

Было повреждено 15 танков, из них 8 эвакуировано с поля боя [2, л. 116]. Погиб начальник автобронетанковых войск 23-й армии генерал-майор В.Б. Лавринович, лично возглавивший атаку танкистов [6, с.233–234].

Из приказа войскам 23-й армии № 054 от 24.09.1941 г.: «Бросание танков в атаку без должного обеспечения артогнём и разведкой (20.9.41 г.), что во 2-й фазе боя не дало эффекта и вывело много танков из строя» [3, л. 267].

В этих боях воины Красной Армии проявили героизм и отвагу. Из наградного листа на командира отделения 181-го стрелкового полка 291-й стрелковой дивизии красноармейца Смирнова Михаила Алексеевича (1916 г.р., русский, беспартийный, в РККА с 1940 года):

«Смирнов в неоднократных боях с врагом за свою Социалистическую родину, партию Ленина-Сталина, проявил своё мужество, отвагу и преданность Родине.

Тов. Смирнов особо показал себя в боях за Родину при изгнании белофиннов из Белоострова. К бою своё отделение тов. Смирнов подготовил хорошо. Умелое руководство в бою дало возможность тов. Смирнову на протяжении всего боя не иметь потерь.

Энергичными и бесстрашными действиями своего отделения Смирнов первый вошёл в Белоостров, огнём своего отделения метко разбил врага, в результате боя отбил у белофиннов одно орудие, 4 ручных пулемёта и много другого оружия противника.

За умелое руководство отделением в бою, личный пример и бесстрашие в бою с врагом, тов. Смирнов достоин правительственной награды ордена «Красное Знамя» [5, л. 115–115об].

26 ноября 1941 года приказом № 852/н военного совета Ленинградского фронта красноармеец М.А. Смирнов был награждён медалью «За отвагу» [4, л. 78].

В итоге операции 20 сентября 1941 г. части 23-й армии несколько улучшили своё положение, однако им не удалось отбросить противника на рубеж старой госграницы в центре и на левом фланге оборонительной полосы [2, л. 116].

В преддверии предстоящего взятия Ленинграда уже была заготовлена торжественная речь, с которой должен был выступить будущий президент Финляндии Юхо Паасикиви. В ней говорилось:

«Пала впервые в своей истории некогда столь великолепная российская столица, находящаяся вблизи от наших границ. Это известие, как и ожидалось, подняло дух каждого финна... Для нас, финнов, Петербург действительно принёс зло. Он являлся памятником создания русского государства, его завоевательных стремлений» [1, с. 110–111].

Однако благодаря стойкости и мужеству защитников города эта патетическая речь пропала втуне. Опираясь на долговременные сооружения Карельского укрепрайона, советские войска заняли прочную оборону, взломать которую при отсутствии у финнов пикирующих бомбардировщиков и тяжёлых осадных орудий было практически невозможно.

Не желая без толку умирать под неприступными дотами, финские солдаты стали в массовом порядке отказываться идти в атаку.

«В первых числах сентября на нашу сторону перебежал финский капрал. Пленный рассказал, что солдаты высказывают недовольство войной. По этой причине десять человек в батальоне арестованы.

Другой военнопленный из 2-го батальона 57-го пехотного полка рассказал: «Когда полк подошёл к старой государственной границе, солдаты нашего батальона отказались переходить её. С группой солдат я пришёл к командиру полка. Нас отправили к командиру дивизии. Там мы встретили группу солдат из лёгкого самокатного батальона, пришедших по этому же вопросу» [6, с. 234].

После того как подобное произошло в нескольких полках, а общее количество «отказников» и дезертиров стало исчисляться тысячами, Маннергейм был вынужден окончательно отказаться от наступления на Ленинград и перейти к обороне.

Таким образом, можно сделать вывод, что финские войска упорно пытались преодолеть оборону Красной Армии и захватить совместно с германскими войсками Ленинград. Однако упорство и героизм советских воинов и достаточно грамотное руководство советского военного командования не позволили финнам оккупировать советскую землю.

Библиографический список:

- [1] Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941–1945. – СПб.–Хельсинки: Ин-т Йохана Бекмана, 2002. – 300 с.
- [2] Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). – Ф. 217. – Оп. 1221. – Д. 225.
- [3] ЦАМО. – Ф. 217. – Оп. 1221. – Д. 30.
- [4] ЦАМО. – Ф. 33. – Оп. 682524. – Ед. хр. 72.
- [5] ЦАМО. – Ф. 33. – Оп. 682524. – Ед. хр. 73.
- [6] Черепанов А.И. Поле ратное моё. – М.: Воениздат, 1984. – 304 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глазов Михаил Михайлович – доктор экономических наук, профессор, декан экономического и социальногуманитарного факультета, Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург)

Егоркина Марина Вениаминовна – преподаватель, Санкт-Петербургское государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей «Санкт-Петербургская школа искусств № 10» (Санкт-Петербург)

Козырев Михаил Алексеевич – бакалавр, магистрант кафедры ЭСГ, Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург)

Кривич Наталья Алексеевна – кандидат культурологии, главный редактор, Центр научно-информационных технологий «Астерион» (Санкт-Петербург)

Маскаева Марина Александровна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, ВУНЦ ВМФ «ВМА им. Н.Г. Кузнецова» (Санкт-Петербург)

Никифоров Владимир Викторович – кандидат технических наук, директор, Центр научно-информационных технологий «Астерион» (Санкт-Петербург)

Никифорова Тамара Владимировна – аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Орлова Наталья Анатольевна – директор, Санкт-Петербургское государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей «Санкт-Петербургская школа искусств № 10» (Санкт-Петербург)

Паникаровская Татьяна Дмитриевна – преподаватель, Санкт-Петербургское государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей «Санкт-Петербургская школа искусств № 10» (Санкт-Петербург)

Пыхалов Игорь Васильевич – историк, публицист (Санкт-Петербург)

Сверчкова Татьяна Петровна – преподаватель, Санкт-Петербургское государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей «Санкт-Петербургская школа искусств № 10» (Санкт-Петербург)

Чукуров Андрей Юрьевич – кандидат культурологии, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Никифорова Т.В.* Метакоммуникативные включения с функцией структурной организации текста в грамматиках «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» И.К. Готшеда и «Готшедовой немецкой грамматике» И.М. Греча3
- Кривич Н.А., Чукуров А.Ю.* Перспективы развития книжного рынка в России8

ПЕДАГОГИКА

- Орлова Н.А., Егоркина М.В., Сверчкова Т.П., Паникаровская Т.Д.* Копирование детьми живописных портретов: Метаморфозы художественной образности..... 16
- Маскаева М.А.* Дидактическая игра как метод интенсификации процесса обучения русскому языку как иностранному (начальный этап обучения).....25

УПРАВЛЕНИЕ И ЭКОНОМИКА

- Козырев М.А.* Эволюция подходов к анализу финансовой отчетности..... 31
- Глазов М.М., Козырев М.А.* Содержание и информационная база финансового анализа.....35
- Никифоров В.В.* Ответственность элит как условие преодоления революционной поляризации общества44

ИСТОРИЯ

- Пыхалов И.В.* Штурм Ленинграда финскими войсками в сентябре 1941 года..... 52

Информация об авторах 61

Научное издание

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Выпуск 22

Сборник статей

Под общ. ред. кандидата культурологии *Н.А. Кривич*
Компьютерная вёрстка – *И.В. Пыхалов*

ЦНИТ «Астерион»

Подписано в печать 22.12.2016. Бумага офсетная.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура «Newton С». Объем 4,0 п. л.
Тираж 200 экз. Заказ № 303. Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, тел. 970-35-70

E-mail: asterion@asterion.ru

